

**Некоузская центральная библиотека
им. А.В. Сухова-Кобыдина**

**«Но жив Кречинский
между нами...»**

Краеведческий альманах

Новый Некоуз ,2007

Унковский Ю.М.

Судьба усадьбы

На северо-западе Ярославской области простираются земли древнего Мологского края.

Именно здесь на берегах реки Сити в печально памятном 1238 году в битве с Батыевым войском полегла рать Великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича, дяди святого благоверного Великого князя Александра Ярославовича Невского.

Недалеко от этих мест на самом берегу располагалась родовая усадьба Сухово-Кобылиных - Новое. Последним владельцем её стал наш выдающийся драматург, мыслитель и философ Александр Васильевич Сухово-Кобылин. Строили её его дед и прадед, а ему досталось в наследство от дяди Александра Александровича.

С начала 15 века весь этот край перешел в полное владение московских князей. С тех пор по мере роста служилого войска на землях прежних удельных княжеств появляются поместья дворян и боярских детей. В особенности этот процесс усилился в царствовании Ивана 4 , начиная с Казанских походов. Так, Василию Константиновичу Третьяку Кобылину было пожаловано за Казанский поход село Сухово и право писаться Сухово-Кобылиным. Жалованная грамота за царской подписью хранилась в их роду вместе с другими реликвиями, но погибла в пожаре. Была там и грамота о пожаловании других поместий за подписями царей Петра и Ивана Алексеевичей.

Владели Сухово-Кобылины и в Мологском крае, и под Угличем и Мышкиным. Среди других известны в этих местах фамилии помещиков Голицыных. Соковниных, Азанчевских, Глебовых, Д.П. Горихвостова - известного благотворителя, автора путевых записок. Обширными поместьями владели в крае Мусины-

Пушкины, оставившие значительный след в его истории. Среди их наследников были князья Волконские и Куракины.

Мологская земля не только хранит память об А.В. Сухово-Кобылине. Можно с уверенностью полагать, что именно эта земля соединила Сухово -Кобылиных кровными узами с родом Мусиных-Пушкиных и князей Солнцевых-Засекиных - потомков князя Федора Черного, причислен так же, как и его сыновья, к лику местночтимых святых.

В конце 13 столетия ярославский князь Фёдор Ростиславович Чермный, овдовев, женился на дочери хана Менгу - Тимура - правнука Чингизхана-Кончаке, принявшей в святом крещении имя Анны. А затем Иван Калита выдал свою дочь Евдокию за внука кн. Федора ярославского кн. Василия Давидовича «Грозные очи», очевидно, стремясь использовать его родственные связи с ордой. Тогда же Мологский край получил в удел брат князя Василия - Михаил Давидович. Но уже их сыновья Василий Васильевич и Федор Михайлович были подручными князьями у Дмитрия Донского и на Воже и на Куликовом поле.

Среди потомков кн. Василия «Грозные очи» были удельные князья Троекуровы, Шаховские, Солнцевы-Засекины и др., а потомками князя Федора в Мологском крае – удельные князья Моложские, Ситские, Прозоровские и Шуморовские.

Прадед Александра Васильевича, полковничий сын, капитан-поручик лейб-гвардии Измайловского полка Василий Федорович Сухово-Кобылин женился на Авдотье Федоровне, урожденной княжне Солнцевой-Засекиной, а матерью её была Прасковья Петровна, урожденная княжна Щербатова. Таким образом, среди предков Александра Васильевича оказались не только Андрей Кобыла, но и многочисленные князья Рюриковичи, ханы Золотой Орды и сам Чингизхан.

Дед драматурга Александр Васильевич, секунд-майор, предводитель дворянства Мологского уезда был женат на родной сестре графа Алексея Ивановича

Мусина-Пушкина Евдокии Ивановне. Однако ближайшее родство А.В. Сухово-Кобылина и А.С. Пушкина приходится не через общего предка из Пушкиных, а через мать Евдокии Ивановны -Наталию Михайловну, урожденную Приклонскую. Её дед, стольник Иван Васильевич Приклонский, приходится им обоим пращуром. Так что состоят они в пятой степени родства между собой и оба оказываются четвероюродными внучатыми племянниками Александра Петровича Сумарокова. Состоят в родстве они и с Иваном Сергеевичем Тургеневым.

Когда в 13 веке в богатых поместьях начали сооружаться большие усадьбы с парками, прудам и каменными церквями вблизи них, появились такие усадьбы и в Мологском крае. Известна печальная судьба большинства этих усадеб. Вдвойне печальна судьба Мологских усадеб. Ведь большая часть края оказалась затопленной Рыбинским водохранилищем. На его дне и сам уездный город Молога, и село Иловна, родовое поместье графа А.И. Мусина-Пушкина с великолепной усадьбой. То самое село, где по указу Петра I началось строительство судов для Мариинской системы.

Александр Васильевич недолго пользовался усадьбой Новое. По совету К.Д.Ушинского он продал её для организации учительской семинарии - одной из первых в России, в которой готовили учителей для сельских школ из крестьян. Она сыграла большую роль в развитии народного образования в крае. В годы первой мировой войны главный дом усадьбы сгорел и семинария была переведена в Углич, где существует и поныне как педагогический колледж.

От строений усадьбы сохранились только небольшой флигель у дороги, часть хозяйственной постройки и полуразрушенная церковь. Но бережно сохраняется парк с великолепной липовой аллеей, идущей от дороги к берегу Сити.

Однако ни сам край, ни его история, ни люди, оставившие свой след на этой земле, не исчезли из народной памяти.

В Рыбинске существует музей Мологского края (филиала Рыбинского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника), которым заведует истинный патриот своей «малой родины» энтузиаст краеведения Николай Макарович Алексеев. Музей ведет большую издательскую и организационную работу, в том числе по возрождению усадеб бывшего Мологского уезда. Трудно переоценить его роль в сохранении исторической памяти о Мологском крае.

Замечательным примером может служить судьба усадьбы Борок «шлиссельбуржца» Н.А.Морозова, построенной его отцом П.А. Щепочкиным и оказавшейся сейчас на самом берегу водохранилища. После того, как в 1931 году Морозов передал большую часть своего имения в ведение Академии Наук, вокруг усадьбы вырос целый научный посёлок с двумя научно-исследовательскими институтами и четырьмя музеями. Большую роль в развитии этого «наукограда» сыграл И. Д. Папанин, туда направленный директорствовать большевистскими властями.

В 1995 году усадьбе Новое, также как усадьбе Борок, указом президента РФ был присвоен статус историко-культурного памятника федерального значения. Там ежегодно в сентябре проводятся литературно-фольклорные праздники, на которые собираются жители Некоузского и соседних районов.

Древнее село Некоуз существующее чуть ли не 14 века - это не только административный центр района, но и центр большой краеведческой и культурно-просветительской деятельности. Важное значение в этой деятельности имеет сохранение памяти об Александре Васильевиче Сухово-Кобылине, содействие в проведении исследований его жизни и творчества.

Имя Сухово-Кобылина присвоено Некоузской центральной библиотеке, в ней отведена специальная комната, в которой собраны материалы о нем. Это фактически единственный музей, посвященный Александру Васильевичу.

В 1997 г и 2002 гг. там проводились памятные дни, посвященные юбилейным датам А.В.Сухово-Кобылина:

180 и 185 лет со дня рождения (он родился 17 сентября 1817 года). Состоялись научные конференции с участием ученых-исследователей из Москвы, Петербурга, Саратова, Ярославля, Рыбинска и др. городов. Устанавливались связи с исследователями из Голландии и Германии. В парке усадьбы Новое на литературно-фольклорных праздниках выступали писатели, поэты, народные и фольклорные коллективы, разыгрывались сцены из спектаклей.

В 2003 году памятные дни были посвящены 100-летию со дня кончины драматурга. Состоялись краеведческие чтения и презентация книги В.В. Селезнева, исследователя из Саратова-автора и составителя ряда изданий трудов Сухова-Кобылина и документов, связанных с его жизнью. Состоялись открытие выставки и театральная вечер в литературной гостиной библиотеки. В почти полностью восстановленной Ильинской церкви в селе Золоторучье г. Углича, построенной прадедом Александра Васильевича - Василием Федоровичем в 1753 году, была совершена панихида.

В проведении памятных дней большая заслуга Рыбинского музея и администрации Некоузского района.

Так, усадьба - памятник материальной культуры питает нашу культуру духовную.

Глубоки корни Сухова-Кобылиных в Мологской земле не только в прошлые века, но и в наше время. Это является серьезным основанием предложения некоузцев перезахоронить прах А.В. Сухова-Кобылина из Болье (Франция) в с. Колегаево рядом с усадьбой Новое у церкви, построенной его дедом.

В планах ярославских ученых и краеведов создание в этих местах национального парка «Возрождение Мологской земли». *«Дворянский Вестник», №3-4 (106-107), 2004 г., С.11*

Третьякова Т.А

**Прародина драматурга
А.В. Сухово-Кобылин и Угличский край**

Александр Васильевич Сухово-Кобылин... Для русской культуры это имя значительное, но, к сожалению, в последнее время уходящее на «второй план», в забвение. Большинство о нем и не слышало- разве что какое-то смутное воспоминание из школьной программы по русской литературе... И лишь немногие еще могут сказать, что именем этим объединены литература и театр, философия и теория мировоззрения.

ПЕРСОНАЖЕЙ СПИСЫВАЛ С ЯРОСЛАВЦЕВ

Имя это принадлежит одному из образованнейших людей России 19 века, одному из крупнейших русских драматургов, создавшему бессмертную трилогию («Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина»), писавшему философское «Учение Всемир», занимавшемуся классическим переводом трудов Гегеля. Человеку, знавшему А.И. Герцена и Н.П. Огарева, А.П. Чехова и Н.А. Некрасова, К.С. Аксакова и В.Г. Белинского, Н.И. Надеждина и М.П. Погодина, С.П. Шевырева и еще многих известных людей своего времени. А.В. Сухово-Кобылин находился в центре общественной, литературной и театральной жизни России 2-й трети 19 - начала 20 веков. Прожив долгую жизнь, он был свидетелем и значительных российских преобразований, и произвола и беззакония властей, и русского бюрократизма и волокиты.

Это все отражали его пьесы. Оттого их подвергали жестокой цензуре и гонениям, запрещали к постановке

на сцене. Находясь в апогее известности, этот человек о себе и своих литературных трудах скажет так: «Какая волокита прожить 75 лет на свете и не успеть провести трех пьес на сцену! Каков ужас надеть пожизненный намордник на человека, которому дана способность говорить!»

Но, не смотря на всевозможные препоны, он говорил, писал, много размышлял о судьбе России. «Относительно России - ее люблю...Я для нее всегда был хорошим, любящим сыном», - писал он. Хотя в последние десятилетия своей жизни, по стечению многих обстоятельств, в основном проживал за границей. Но Россию помнил. Помнил Москву, Подмосквовные и свои Ярославские имения. Ведь предки известного драматурга были ярославскими землевладельцами, помещиками Мологского, Мышкинского, Угличского уездов. Часть из ярославской недвижимости и досталась драматургу в наследство.

Ярославская земля дала драматургу больше, чем недвижимость, - она явила прототипы персонажей его произведений. По свидетельству писателя В.А.Гиляровского, «именно в Ярославской крае Сухово-Кобылин познакомился с людьми, черты характера которых он передал своим героям Муромскому, Кречинскому и Расплюеву».

А.В. Сухово – Кобылин - личность незаурядная, интереснейшая и по настоящее время до конца непонятная, неизученная, как и его творчество. Об этом писал еще П.И.Бартенев в 1910 году: «Для истории русской общественности, для всеобщей психологии нужна подробная биография А.В. Сухово-Кобылина. Был он человек необыкновенный, и самый внешний вид, если судить по портретам, из ряду вон. Подобно многим русским людям, он в произведениях пера своего выразил лишь малейшую часть своих дарований».

Путь познания велик. И на этом пути много еще явлений, открытий, вопросов и ответов.

РОДОСЛОВНАЯ ШЛА ОТ АНДРЕЯ КОБЫЛЫ

Известный драматург происходил из старинного и богатого рода Кобылиных. Свою родословную Кобылины исчисляли с 14 века от Андрея Ивановича Кобылы, который при Иване Калите приехал из Пруссии на службу в Москву и стал видным боярином при княжеском дворе. (Кстати, от него же вела свою историю и династия Романовых). Представители рода (Сухово-) Кобылиных были влиятельными людьми при дворе Ивана Грозного, при дальнейших правителях, при Петре I и последующих императрицах и императорах занимали значительные должности. Верой и правдой служили Отечеству, имели высокие чины и малые, и чести рода не срамили.

За службу верную получали жалованные чети «с наддачею» в разных землях российских, в том числе по Верхней Волге в некогда бывшем средневековом Угличском уезде (провинции), по административно-территориальной реформе Екатерины II от 1777 года, разделившемся на Мологской, Мышкинский и Угличский уезды. Прирастали владения (Сухово-) Кобылиных покупкою и обменом земли с недвижимостью. На конец 18 века в Углическом, Мышкинском и Мологском уездах за Сухово-Кобылиными числились значительные владения, разделенные между несколькими представителями рода, в том числе достались доли и предкам драматурга.

Отец будущего драматурга, Василий Александрович, был гордостью семьи Сухово-Кобылиных: им восхищались, его почитали. Несуетный и замкнутый, не ведавший никаких честолюбивых помыслов, увлеченный читатель религиозных книг, он мечтал, чтобы его сын имел духовный сан. Как и большинство из рода, он служил: полковник Лейб-Гвардии Конной артиллерии и Кавалер нескольких русских и иностранных орденов прошел горнило наполеоновских войн, в сражении под Аустерлицем потерял глаз, участвовал в «битве народов» под Лейпцигом, где проявил мужество и находчивость. Командуя десятой конно-артиллерийской ротой, обстреливал из своих орудий Париж и 19 марта 1814 года вступил в него в

авангарде русской армии под начальством графа П.П. Палена. Он был великолепным рассказчиком о военных баталиях, вдохновенно увлекая слушателей в мир реальных событий. Вероятно, от отца будущий драматург унаследовал способность к изящному слогу и литературному мышлению.

Мать Мария Ивановна (урожденная Шепелева) происходила из богатой дворянской семьи. Она была красивой, умной, властной, всюду поспевавшей и все решавшей. Многие современники утверждали, что от матери будущему драматургу передались характер и темперамент, хозяйственная активность и сметливость, любовь к искусству и родовой аристократизм.

Александр Васильевич Сухово-Кобылин родился 17 (по иным сведениям – 7) сентября 1817 года. До настоящего времени не установлено точное место его рождения. По одной версии, он появился на свет в родовом имении – селе Воскресенском Подольского уезда Московской губернии, по другой – в Москве, в доме Сухово-Кобылиных, бывшем в приходе храма Харитония в Огородниках. Жизнь будущего драматурга всегда была связана с Москвой, он любил ее, Санкт-Петербург был для него чужим. Россию он чувствовал в Москве и провинции.

По настоянию матери Александр получил прекрасное домашнее образование. Для этого в дом приглашались самые известные профессора Московского университета: историк литературы и магистр физико-математических наук Михаил Александрович Максимович, критик и фельетонист Николай Иванович Надеждин, историк Федор Лукич Морошкин, знаток изящной словесности, поэт и переводчик Семен Егорович Раич, бывший в разное время учителем-воспитателем М.Ю.Лермонтова и Ф.И.Тютчева.

Домашнее образование получили и сестры будущего драматурга: Софья (прекрасная художница, первая женщина, удостоенная золотой медали Академии художеств), Евдокия (Душенька, как называли ее близкие за доброту и открытость, в замужестве Петрово-Соловово), Елизавета (в замужестве графиня Салиас-де-

Турнемир, талантливая писательница, печатавшаяся под псевдонимом Евгения Тур, автор повести «Ошибка», романов «Племянница», «Три поры жизни», произведений для детей «Катакомбы», «Последние дни Помпеи» и других, мать известного в XIX веке русского писателя Евгения Салиаса). Елизавета Васильевна, кстати, станет прототипом героинь И.С.Тургенева – Суханчиковой в «Дыме» и Прыщевой в «Нови».

ЮНОША ИЗ ФИЛОСОФСКОГО ПОКОЛЕНИЯ

В 1834 году Александр Сухово-Кобылин поступает на физико-математическое отделение философского факультета Московского Императорского университета, где был одним из лучших студентов. В 1837 году за одно из своих научных сочинений получил золотую медаль. Проявил блестящие способности к математике. Александр Сухово-Кобылин – один из ярких представителей талантливого юношества из философского поколения 30-х годов XIX века. Впоследствии, по идейным убеждениям, он разойдется со многими друзьями-сверстниками – Герценом, Огаревым, Константином Аксаковым, идеологом славянофилов. Сухово-Кобылин был западником (как во многих вопросах и Ф.И.Тютчев).

Окончив университет среди лучших в 1838 году, Александр Сухово-Кобылин продолжил учебу в Гейдельбергском и Берлинском университетах, слушая лекции европейских светил – Шлоссера, Габлера, Мишле, Вердера.

Годы учения закончились в 1842 году. Александр Васильевич Сухово-Кобылин возвращается в Россию и поступает в канцелярию Московского гражданского губернатора. Через восемь лет он уйдет в отставку с гражданской службы в чине титулярного советника. Он не помышляет о литературе, у него жизнь аристократа, светского щеголя и помещика-хозяина. Балы, театр, романы, скачки... Незаурядный знаток в области коневодства, владелец конезавода, он занимался разведением рысаков и сам участвовал в состязаниях.

12 июня 1843 года на первой джентльменской скачке в Москве он легко выиграл первый приз на Щеголе князя К.А. Черкасского. Спустя более полувека, в 1901 году на Царскосельских скачках был разыгран приз для ездоков – охотников в честь Сухово-Кобылина – как признание литературных заслуг первого победителя скачек для «благородных ездоков».

В 1840–е годы в делах А.В.Сухово-Кобылин проявляет практическую хватку и предпринимательскую жилку: ведет крепкое хозяйство в имениях, в Англии закупает для работ сельскохозяйственные машины, в Сибири выявляет возможности поставки руды для Выксунских металлургических заводов, которыми тогда управлял его отец (1847год); строит заводы – спиртоочистительный, винокуренный, свеклосахарный, первый в России завод шампанских вин. Для сбыта своих водки и шампанского открывает в Москве розничный магазин. В 1848 году принимает от отца управление всеми имениями – в Московской, Тульской, Калужской, Владимирской, Ярославской губерниях.

ДЖЕЛЬТМЕН ИЛИ ЖЕСТОКИЙ ДИКАРЬ?

Аристократ, надменный, заносчивый и остроумный, он у многих вызывал нелюбовь. Один из его современников отмечал: «Его острого, как бритва языка боялись многие, не исключая всемогущего в то время генерал-губернатора». Аристократизм и пробуждающийся порой «дух боярина кобылы» вызывали у окружающих неприятие Сухово-Кобылина, а то и ненависть к нему. Вот что писал об А.В. Сухово-Кобылине близко знавший его Е.Н.Феоктистов: «Не подлежит сомнению, что это был человек очень умный, а о способностях его свидетельствуют уже написанная им комедия; окончил он курс в Московском университете и даже при выпуске получил золотую медаль; он много путешествовал, любил серьезное чтение – словом, все, по-видимому, было в его пользу, а между тем едва ли кто-нибудь возбуждал к себе такое общее

недоброжелательство. Причиной этому была его натура – грубая, нахальная, нисколько не смягченная образованием; этот господин, превосходно говоривший по-французски, усвоивший себе джентльменские манеры, старавшийся казаться истым парижанином, был в сущности по своим инстинктам жестоким дикарем, не останавливавшимся ни перед какими злоупотреблениями крепостного права; дворня его трепетала. Мне не раз случалось замечать, что такие люди, отличающиеся мужественной красотой, самоуверенные до дерзости, с блестящим остроумием, но вместе с тем совершенно бессердечные, производят обаятельное впечатление на женщин. Александр Кобылин мог похвалиться целым рядом любовных похждений, но они же его и погубили...»

Помните слова П.И.Бартенева, сказанные в 1910 году об облике А.В. Сухова-Кобылина? Необычность внешности драматурга, как и присутствие некой тайны, привлекали и его современников, и многих позже. Литературовед Л.П. Гроссман, уже в наше время, так описывал портрет А.В. Сухова-Кобылина, хранящийся в театральном музее Бахрушина в Москве: «Молодой мужчина лет тридцати резким и властным поворотом обратил к свету свою красивую и породистую голову. Большие и строгие глаза, прямолинейный и четкий профиль, легкие короткие бакенбарды и тонкие усы при некоторой надменности выражения и гордой самоуверенности позы создают близкое и, вероятно, намеренное сходство с обликом Николая Первого... Сдержанная строгость костюма... Подчеркнутая официальность и замкнутая недоступность для черни, волевой закал деспотического и неукротимого нрава, глубокое и непоколебимое сознание своего превосходства над всем окружающим, в силу непокупных преимуществ древнего рода, громадного состояния и первоклассной европейской культурности – таков явственный отпечаток необычного и сложного характера на этом правильном, тонком и неприветливом лице...»

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ЛУИЗЫ СИМОН-ДЕМАНШ

Переломным моментом в судьбе А.В. Сухово-Кобылина стала ночь с 7 на 8 ноября 1850 года, когда при загадочных обстоятельствах была убита его любовница, француженка Луиза Симон-Деманш. Подозрение пало на самого любовника, и для Сухово-Кобылина начались долгие годы душевных мытарств. Следствие велось семь(!) лет, в течение которых его неоднократно арестовывали, заключали в тюрьму, допрашивали выносили противоречивые друг другу решения; то обвиняли Сухово-Кобылина, то его дворовых, то уличали в сговоре дворовых с хозяином – судебная волокита и катавасия в делопроизводстве текли нескончаемым потоком. Но хуже всего было то, что этот процесс формировал негативное общественное мнение вокруг Сухово-Кобылина – а оно и без того было далеко не лестным. Дело прекратилось только после личного вмешательства императора. В октябре 1857 года Государственный Совет вынес оправдательный приговор дворовым Сухово-Кобылина, признав случайность убийства неизвестными людьми, а самого Александра Васильевича приговорили к церковному покаянию за порочную любовную связь.

Но до сих пор дело об убийстве Луизы Симон-Деманш не имеет окончательного мнения. Предположений много и за, и против А.В. Сухово-Кобылина, хотя более склоняются к невинности Александра Васильевича. Есть предположение, что чиновники намеренно обвинили его в убийстве с целью получить от богатого аристократа взятку, которую тот не давал.

Но как бы там ни было, убийство Луизы Симон-Деманш сыграло решающую роль в дальнейшей судьбе Сухово-Кобылина и довлекло над ним все оставшиеся годы.

После завершения следствия в ноябре 1858 года А.В. Сухово-Кобылин уезжает в Париж и с этого времени начинается заграничный период его жизни, в Россию он только «наезжал», периодически навещая то Москву, то имения, в том числе и ярославские – в Мологском имении село Новое. Это последнее владение Сухово-Кобылиных в Ярославском крае было продано в 1871 году. Мы еще вернемся к владениям Сухово-Кобылиных в нашей округе, а пока последние слова о жизни драматурга.

В конце 1850-х-60-е годы он женится дважды, но браки эти скоротечны и для него неважны. Он вообще старался избегать официальных отношений с женщинами.

Живший с 1858 года чаще за границей, чем на родине, А.В. Сухово-Кобылин в России не был забыт: его известность и популярность были огромны, литературный авторитет непререкаем, триумф его пьес феерический. Несмотря на то, что их запрещало третье отделение Жандармского управления, беспощадно властвовала цензура, их ставили во многих театрах. Один из последних приездов А.В. Сухово-Кобылина в Россию был связан именно с постановкой его бессмертных пьес – в Петербурге репетировали «Смерть Тарелкина», а в Ярославле в мае 1900 года А.В. Сухово-Кобылин как почетный гость присутствовал на торжествах, посвященных 150-летию русского театра. В юбилейные дни шла постановка «Свадьбы Кречинского» в исполнении артистов Петербургского Александринского и Московского Малого театров.

В это же время А.В. Сухово-Кобылин достиг апогея литературной известности и, главное, признания официальными властями. В 1902 году он был избран почетным академиком по разряду изящной словесности Академии наук.

Скончался драматург 3 марта (по иным сведениям – 11 марта) 1903 года на юге Франции, близ Ниццы, в городе Болье, где и похоронен.

Итак, Александр Васильевич Сухово-Кобылин. Его имя обессмертили его произведения-пьесы. Не

классический перевод Гегеля, не философский «Учение Всемир», а пьесы: «Свадьба Кречинского» (1854), «Дело» (1861), и «Смерть Тарелкина» (1869) (другое название – «Веселые дни», - вышедшие единой книгой под названием «Картины прошедшего» в 1860 году.

Много лет спустя А.В. Сухово-Кобылин так объяснит тайну своего творчества: « Авторство (или Творчество) есть способность развить в себе Направленность, Переполненность, Избыток Электричества, - Зарядов; это Заряд превратить в Представление или Мысль; Мысль излить на бумагу, холст или воплотить в Камень и такой овещественный Духа Акт сдать в Кассу Человечества.

Рецепт этот основан на Наблюдении, что холостая Пушка не стреляет. Автор (или Творец) должен быть заряжен, а не выхолощен. Пифагор требовал для того, чтобы хорошо говорить - семь лет молчать...»

Зарядом, разбудившим талант и творческие силы А.В. Сухово-Кобылина, стали обвинение в убийстве Луизы Симон-Деманш и вся судебная волокита по данному делу. Ведь в процессе разбирательства А.В. Сухово-Кобылин на несколько месяцев был заключен под стражу и содержался в тюрьме (!) Такой –то аристократ! Но именно этот психологический перелом и переживания стали толчком для выражения его самосознания, необычной работоспособности и бесспорного таланта писателя. Это все в нем было и внутренне жило, но не было побуждающего начала. К сожалению, началом стало несчастье, но по русской пословице, - «не было бы счастья, да несчастье помогло». Ведь «Свадьбу Кречинского» А.В. Сухово-Кобылин написал за несколько месяцев, будучи ...в тюрьме в заключении (!)

Все его пьесы имеют элементы его биографии, уж точно, психологически верны и реальны. В последнее десятилетие своей жизни в автобиографических записках драматург отметит, что годы его светской жизни (без творчества) в период с 1840 до начала 1850-х годов – «совершенно пропали».

За семь лет судебного следствия А.В. Сухово-Кобылиным и его близкими, особенно матерью, было написано не одно прошение и ходатайство. В письме министру юстиции графу В.Н.Панину А.В. Сухово-Кобылин писал: «...имя мое, всегда честное, влачится без нужды и основания в липкой грязи делопроизводства по Смертоубийству...испытал я, невинный человек, все мучение оскорблений, пристрастие местной власти, действовавшей против меня по Слухам, и проистекшего отсюда тюремного Заключения и публичного позора...и могу ли, безвинно и неправильно привлеченный Гражданин, ждать удовлетворения от Закона, который ограждает и мою невинность, и мою Честь, и который не должен коснуть сказать невинному Слова Евангелия: иди в мире...»

СОХРАНЯТЬ ЧЕСТНОЕ ИМЯ РОДА...

Это и была первоочередная обязанность всех Сухово-Кобылиных многие десятки лет. Честное имя суммировалось из многих составляющих – к примеру, благотворительности и попечительства. Так, на Ярославской земле предки драматурга оставляли добрую память, да и его самого вспоминали (и вспоминают) неплохим словом. В каждом из своих Ярославских имений (а это четыре крупных села с деревнями, не считая пахотных и дровяных пустошей) Сухово-Кобылины возвели на свои средства (своим иждивенцам) каменные храмы: в селе Воскресенском в Кадке Мышкинского уезда – церковь в память Обновления Храма Воскресения Господня (в1838), в Новом Мологского уезда – церковь в честь Святой Живоначальной Троицы (в1789); в селе Колегаево, тоже Мологского уезда, - церковь в память Усекновения Честной Главы Иоанна Предтечи; в селе Золоторучье Угличского уезда (бывшей Угличской провинции) – церковь во имя Святого Пророка Илии (в 1753).

В селе Золоторучье храм возведен иждивением прадеда драматурга – здешним помещиком Василием Федоровичем Сухово-Кобылиным.

В селах в Новом и Колегаеве церкви построены на средства деда драматурга – местного помещика Александра Васильевича Сухово-Кобылина (драматург и его дед имели одинаковое сочетание имени-отчества, что было нередко в прежние времена в дворянских семьях).

Строительство храма в селе Воскресенском производилось на средства родного дяди драматурга – Александра Александровича Сухово-Кобылина, который был последним владельцем этого имения. Годами позже крестьяне Воскресенского имения поставили вблизи церкви памятную белокаменную стелу со словами глубокого почтения и уважения своему помещику, в благодарность за то, что в 1846 году он отпустил 334 души мужского пола (а с учетом женского населения – еще более) крепостных крестьян и дворовых этого имения на волю с землей и их недвижимостью (избы, амбары, дворы и прочее) и всяким скотом, птицей и угодьями, и хозяйством. На момент отмены крепостного права в 1861 году эти крестьяне уже многие годы были свободными хлебопашцами.

На 1862 год во владении Сухово-Кобылиных в Ярославской губернии по трем уездам находилось несколько десятков сот десятин. Только в Угличском и Мышкинском уездах общее количество пахотной земли составляло 2204 десятины (2408 га) с 40 селениями (села, сельца, деревни), с десятками сотен крестьян, их движимыми недвижимым имуществом. Главным владельцем этой недвижимости являлся Александр Васильевич Сухово-Кобылин, драматург, последний из рода хозяин ярославских имений.

Владения Сухово-Кобылиных формировались со времен глубокого Средневековья. Недвижимость приобреталась дополнительно жалованным четьям путем купли-продажи, обмена, залога земли с последующим наследованием членами рода. В настоящее время документально установлено, что в нашем регионе Верхневолжья из прямых предков драматурга владения имели: прадед – Василий Федорович, дед – Александр Васильевич, отец – Василий Александрович.

Из крупных владений прадеда, Бывшего некогда капитаном Лейб-гвардии Измайловского полка, затем подполковником, можно сказать село Воскресенское в Кадке Мышкинского уезда с деревнями Кривцово, Сопино, Павлово, Трушнево, Глазово; часть сельца Константинова того же уезда; части селец Новоселки и Дроздово Кацкого стана средневекового Угличского уезда; часть села Золоторучья Городского стана Угличского уезда. Где-то на рубеже 18и 19 веков Золоторуцкое имение Сухово-Кобылины продают.

Из крупных владений деда, бывшего одно время заседателем Ярославского верховного земского суда, можно назвать то же село Воскресенское в Кадке, сельца Константиново, Новоселки и Дроздово с пустошами.

Из значительных владений отца драматурга можно отметить село Колегаево с деревнями и пустошами.

На период середины XIX века крупные владения Сухово-Кобылиных, главным образом, были сосредоточены в Мологском уезде и состояли из сел Колегаево и Новое. Усадьба в селе Новом была последним крупным имением Сухово-Кобылиных на Ярославской земле. После ее прдажи в 1871 году там открыли учительскую семинарию, где преподавали известные педагоги, в частности В.А. Флеров, автор многих трудов по педагогике и методике обучения . После пожара 1914 года семинария была переведена в Углич, став в последствии базой для организации педагогического училища, нынешнего колледжа...

Сухово-Кобылины, Ярославская земля, Угличский край...

Как схожи бывают судьбы человеческие не случайностью случая. Вот, к примеру, два рода: Тютчевы и Сухово-Кобылины. Оба явили русской культуре людей замечательных, талантливых. Много общего в истории обоих родов связано с нашими местами, как будто один род отражает другой. Случайность или предопределение места? Ответ – в руках будущих исследователей. Ведь кто знает, что скрывает бегущая строка документа.

Васильев П.И.

Сухово-Кобылины на Некоузской земле

А.В. Сухово-Кобылина мы знаем как литератора-драматурга, автора трилогии «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина». Наиболее известна «Свадьба Кречинского, которая почти сто сорок лет не сходит со сцены театров страны. Сам же Александр Васильевич себя литератором не считал: «профессиональным литератором я никогда не был - признавался драматург. - Я помещик, дворянин, владелец водочного завода...Я написал свои пьесы не для литературы, а, скорее всего, для самого себя»...

А был он необычным человеком. Всё, за что он брался, делал блестяще: будь это театр, литература, философия, коммерция, промышленность, коневодство, сельское хозяйство.

В дневнике он писал: «Даю здесь обет письменно - во чтобы то ни стало – жить трудом, при труде и в труде - если не исполню-откажусь от имени человека с характером.»

Позднее он ещё не раз писал о труде: «Труд-какое счастье, какое благодеяние, какой неоценимый дар неба. Кто не знает труда, то есть не дошёл до наслаждения трудом, тот не знает жизни, не знает её прелести и не достоин её».

Что ему было совершенно не свойственно - так это лень, барство. Быть помещиком для Сухово-Кобылина означало работать. Сам он трудился много. Вот его дневниковые записи:

-Встал в четвертом часу. Работал порядочно в саду около лиственниц...

-Встал рано. По дождю ходил во второй лог. Работал в огороде. Копал. Воротился домой и мечтал о счастливой жизни на огороде. Быть и умереть огородником.

С особой любовью Сухово-Кобылин относился к лесу. Сам сажал деревья и ухаживал за ними. Вырастил целую рощу. И радовался, что украсил природный ландшафт.

Когда Александру Васильевичу исполнился 31 год, отец передал ему управление имениями. Родовое поместье Сухово -Кобылиных - Кобылинка в Тульской губернии. Владения были и в других губерниях России, в том числе и в Ярославской. Ко времени отмены крепостного права (1861 год) Сухово-Кобылин был владельцем Новинского-Колегаева и еще восьми селений на территории бывшего Мологского уезда (ныне Некоузского района) с 393 душами мужского пола, 1564 десятинами земли. Одни селения расположены рядом с Новинским - Колегаевым, другие на значительном расстоянии. Видимо, дальние селения были приобретены помещиком у разорившихся мелкопоместных дворян.

Деревни Якшино, Щетинино, Погорелка были как бы продолжением колегаевских земель. В них числилось 118 душ мужского пола и 472 десятины земли.

Деревни Вьюково и Тихоново находятся от Новинского всего в 8-9 километрах. В них числилось 176 душ мужского пола и 692 десятины земли.

В 20 километрах от Новинского расположена деревня Дубининская (ныне Дубинино, вблизи Спас-Ильди). В ней числилось 24 души мужского пола и 96 десятин земли. В той же стороне за Дубининым стоит деревня Притыкино. Она тоже принадлежала Сухово-Кобылиным с 23 душами мужского пола и 92 десятинами земли. Все названные селения существуют и сейчас. Правда, жители забыли, кто же были владельцами их предков сто сорок лет назад. Сухово-Кобылины ещё владели селением Кадниковым (52 души мужского пола и 212 десятин земли), которого в

настоящее время нет на карте нашего района и навряд ли кто помнит, где это селение находилось.

Свои владения на Ярославской земле Сухово-Кобылин навещал не часто, доверяя управляющему вести хозяйство. В имеющейся литературе о драматурге наш край упоминается редко. В 1892 году в письме к своему знакомому В.С. Кривенко Александр Васильевич писал: «Хоть и случилось мне быть этим летом недалеко от Петербурга, в моём ярославском имении, но достичь ваших широт не пришлось. Причиной тому...хлебная уборка...урожай оказался хорошим, но толку мало. Надо мной стряслась такая масса неотразимых трат, затрат, утрат, растрат, потрав, захвата лугов, хищения лесов, разноса инвентаря, что результат целого года - нуль». Это было, видимо, последнее посещение Новинского его бывшим владельцем. А менее чем через четыре года (28.01.1896) уже из Франции Александр Васильевич писал племяннику Н.М. Петрово-Соловово:

«Любезный друг. Моя последняя просьба - не оставляй Луизу (дочь). Помоги ей продать Колегаево - тогда и очистится капитал, которым оплатятся все долги (частные) их немного, считая и ваши. Мне говорил Федор, что теперь остались только колегаевские леса, других нет».

Свой обет, данный в молодости жить трудом, Александр Васильевич держал до конца жизни.

Титулярный советник, великий аристократ, в столице всегда одетый по современной моде, в деревне преображался. Летом ходил в белой рубашке, подпоясанный кушаком, а зимою в тулупе и в валенках. Приезжая из города в деревню выполнял все работы, необходимые в хозяйстве. В молодости он если косил, то косил от удали, от избытка сил. А теперь вывозил навоз. Разгребал его, пахал железным плугом, называя себя «простым хлопотливым фермером». Так любить жизнь, труд и землю, как их любил Сухово-Кобылин, могут лишь сильные, цельные натуры. Удивительный он человек.

2000 г.

Третьякова Т.А.

Из повседневной жизни Сухово-Кобылина

(контракт управляющего)

История рода Сухово-Кобылиных, как в целом и любого рода, - не только поколенная роспись предков и потомков, исследование жизни и деятельности выдающихся его представителей, громкие события и значительные факты, но и повседневность. Потому в последнее время историческая наука все более и более уделяет внимание исследованию бытовых аспектов.

Быт аккумулирует память поколений, позволяет создать модель прошлого, обеспечить его связь с настоящим и будущим. Повседневность отражает культурный базис человека. Идентифицирует человека, позволяет отразить его социальные происхождение и общественное положение, способна объяснить поведение и поступки человека, позволяет выявить общие родовые черты и индивидуальные характеристики и прочее.

Явления повседневности нельзя разделять на важные и не важные, на интересные и не интересные. Они едины, взаимосвязаны и образны. Потому в изучении повседневности не может быть мелочей.

К примеру, обычное явление дворянского быта - наём управляющего имением. Нам представился случай почитать такой контракт по имению Василия Александровича Сухово-Кобылина (отца писателя). Итак, читаем:

Тысяча восемьсот сорок первого года сентября ... дня. Я, нижеподписавшийся дворянин Витебской

губернии Александр Данилов Демер, заключил сие условие с Г. полковником и кавалером Василием Александровичем Сухово-Кобылиным в ниже следующем:

1-е. Нанялся я, Демер, к нему Г-ну Сухово - Кобылину управлять имением его, состоящем Ярославской губернии Мологского и Мышкинского уездов в селе Калегаеве со всеми деревнями.;

2-е. По вступлении в должность принять мне, Демеру, по описи все состоящее господское движимое имущество, по иной и рогатой скот, наличный хлеб, контору, и по принятии всего одного составить полную опись и доставить за надписанием моим ему, Г.-ну Сухово-Кобылину, а другая такая же опись должна храниться в вотчинной конторе;

3-е. Обязуюсь я, Демер, управлять оным имением со всем рачением и деятельностью. Иметь главное и не ослабное наблюдение за хлебопашеством, за скотоводством, строением и за всем, что принадлежит к доброму хозяйству с наблюдением всех выгод, и все что только будет касаться до улучшения и устройства одного, мне вверенного в управление имения;

4-е. Все предписания его, Г. Сухово-Кобылин, а исполнять всевозможную деятельность и поспешностию;

5-е. С крестьян никаких налогов и поборов не брать, подвод крестьянских для себя никуда не гонять, а буде что откроется противное сему, то обязан я за налоги заплатить втрое, а за подводы за каждую лошадь восемьдесят пять копеек серебром в день;

6-е. Собираемые господския всякаго рода денежные доходы принимать в вотчинной конторе при определенном старосте и отнюдь не принимать никаких сборов и денег в моей квартире и деньги оныя в тоже время записывать в приходную книгу и хранится оным суммам в конторе сундуке за печатью моею, а ключ от одного сундука находится должен у меня, а другой ключ у старосты и при том для необходимых расходов без одного старосты денег мне и сумм никаких не брать.

Сумму всю поверять ежемесячно и доставлять ведомость ежемесячно к нему, Г-ну Сухово-Кобылину, за моим подписом равно за подписанием старосты и конторщика. Будь же произойдет какой из собранных сумм недостаток, то мне, Демеру, оныя пополнить собственными своими безотговорочно;

7-е. На разныя расходы для хозяйства представлять заблаговременно ему, Г-ну Сухово-Кобылину, расцет и смету и, когда оныя утвердятся им Г-ом Сухово-Кобылиным, тогда и приступить к исполнению расхода суммы, а без утверждения никаких сумм не тратить. И в противном случае обязан я, Демер, не правильной и сделанной расход пополнить из своих собственных;

8-е. Всякаго рода казенныя подати платить в положенный срок непременно, а нужные для сего деньги разложить с тягол чрез борщиков назначенных из крестьян, от них самих выбранных по положению его, Г. Сухово-Кобылина, и получать квтанции, которыея и записывать в книги для сего в конторе заведенныя. В тоже самое время отдавать отчет крестьянам, а равно и Г-ну Сухово-Кобылину доносить о сем без замедления;

9-е. Обязуюь я, Демер, иметь строгое смотрение за всем крестьянами дабы не обращались в пьянстве и распутстве и всех таковых записывать в штрафную книгу и в тоже время доложить ему, Г-ну Сухово-Кобылину, с испрашиванием разрешения его на таковыя поступки.

За лень же и нерадение должности и работ наказывать с соблюдением законного порядка, но не увечить. И о всех моих действиях подробно ему, Г-ну Сухово-Кобылину, доносить немедленно и аккуратно;

10-е. За хлебопашеством иметь ежедневное деятельное смотрение и самому мне в летнее время находиться всегда при работах. Иметь для работ выборнаго и старосту и все наряды на работу делать накануне дабы напрасно собранных крестьян не задерживать. И о всяком устройстве иметь попечение.

Излишними работами крестьян не отягочать, а определить работы по тяглам дабы каждое тягло знало

сколько где каких работ обязан он выполнить в течении целого летнего времени;

11-е. Законным и рогатым скотом иметь ежедневное смотрение, чтобы скот был всегда сыт и в порядке. Зимой корму лишнего не тратить. За скотницам иметь строгое наблюдение, чтобы они положенные скопы масла 35 фунтов с коровы собрали и учредить во всем порядок;

12-е. Находящиеся в имении все лесные дачи осмотреть и принять в свое ведение, иметь строгой караул и присмотр за определенными лесниками. Без особенного разрешения Г. Сухово-Кобылина ни каких порубок не производить. Дрова на необходимое отопление собирать заблаговременно из валежника, для сушки риг и овинов вырывать пни, для кольев и жердей рубить в особой для сего отведенной пустоши, называемой «красной».

Буде же я, Демер, самовольно сделал порубку леса, то обязан заплатить по оценке в двое;

13-е. По прошествии года принимать мне полный годовой отчет как о суммах, так и о приходе и расходе хлеба, как равно убыли и прибыли скота и о всем устройстве имения в течении того года происшедшем.

За конторскими делами иметь строгое наблюдение, чтобы бумажные дела были в совершенном порядке;

14-е. Срок вступления моего считать с 15 сентября сего 1841 года впредь на один год, то есть по 15 сентября 1842 года. Жалованья мне, Демеру, в год 400 рублей серебром, а получать оныя по прошествии трети и расписываться в получении в книге. Сверх того на годовое содержание 115 рублей серебром, одну дойную корову и огородные овощи сколько нужно будет;

15-е. Из имения онаго мне никуда не отлучаться для своих надобностей без разрешения его, Г-на Сухово-Кобылина. В противном случае обязан я за отлучку каждого дня платить по расчету из получаемого жалования;

16-е. Буде я, Демер, служить у него, Г. Сухово-Кобылина не пожелаю, то обязан его в том уведомить двумя месяцами вперед, а буде он, Г-н Сухово-Кобылин, меня

держат не пожелает, то может отказать от должности во всякое время.

17-е. При увольнении меня от должности обязан я все по описи состоящее господское движимое -хлеб, скот и прочее имущество сдать, а буде чего не явиться, то должен я, Демер, пополнить собственными деньгами;

18-е. Необходимые расходы по судебным делам, как равно разъезды должны быть насчет его, Г.Сухово-Кобылина;

19-е. Определенные мне для разъезда лошади должны быть сохранены во всяком порядке на содержание его, Сухово-Кобылина, а буде оныя лошади во время езды околеют, то обязан я за них заплатить по оценке прежде от него, Г. Сухово-Кобылина, установленной безотговорочно;

20-е. Для услуги-мальчика, кухарку готовить мне кушание и подсобить ей стирать белье одну женщину, чрез две недели кучера, повозку зимнюю и летнюю, седло господское;

Наконец,-сие условие хранить с обеих сторон свято и не нарушимо, записав его у маклерских дел и подлинное условие должно находиться у Г. Сухово-Кобылина; а мне, Демеру, получить с онаго копию.

Тысяча восемьсот сорок первого года сентября десятого дня сие условие в Угличском Городовом Магистрате у маклерских дел явлено и в книгу под № семьдесят первым записано, пошлины серебром-рубль двадцать девять копеек получены и на приход под № двести девяносто третьим записаны.

/Личные подписи В.А. Сухово-Кобылина и А.Д. Демера/
УФ ГАЯО. ф.56. оп.1. д.1121. лл.48-50 об.

Не правда ли, замечательно? Сколько бытовых нюансов и особенностей характеризует документ, создавая один из образов повседневности. Где угадывается и личные качества нанимателя-Василия Александровича Сухово-Кобылина, рачительного, заботливого хозяина, и организация хозяйства и, даже, надои коров, ведь для сбора 35 фунтов масла (это чуть более 14 кг.) от одной буренки требуется немало молока.

Корова должна быть молочная. А про сушку риг и овинов? Каково? Чтоб дрова не расходовать, и пни не гнили зазря, и в лесу порядок, - это одно. Но... ведь пень горит с трудом, тлеет, дает больше дыма, а не огня, то, что нужно для сушки снопов, - зерно не сгорит, а высохнет, прокоптится равномерно и качественно...

Опыт предков, их быт кажутся такими далекими, но это обманчивое чувство. В той или иной степени они в нашей повседневности, с нами. А через нас - с будущим.

Наняты были мною Ярославской губернии от Казенной Палаты на четырехлетней срок казенные пустоши три статьи, -1-я.Андрейково Андрониково тож с протчими, 2-я.Андрейково Андрониково тож,а по мирскому званию Дикое поле с протчими, 3-я. Андрейково Андрониково тож, а по мирскому званию Починное место с протчими.

Но как ныне уже приходит последней год, то я имею еще взять те пустоши на таковой же срок, то тебе подать в Казенную Палату от имени моего прозбу с наддачею и как будеи происходить в той Палате торг, то тебе с желающими торговаться и ежели по переторжие твоя состоят за мною, то контракт заключить и где следовать будет вместо меня подписываться, -

В чем я тебе верю и что учинишь впредь спорить и прекословить не буду.

декабря дня 1797 года

К сему верующему письму поруччик Николай Васильев сын Сухово-Кобылин...

Мышкинской моей вотчины деревни Сопина
крестьянину Александру Антонову

Желание мое есть иметь в столичном городе Санкт-Петербурге собственной свой дом. В таком случае приказываю тебе ежели кто из господ благородных дворян или какого другаго звания людей будет продавать оной за сходную цену купить т данные от меня тебе деньги продавцу заплатить и потом где следует от крепостных дел купчую получить и в

принятии её вместо меня расписаться. Ежели ж тот дом в чем найдешь для меня не способным, то продать и купчую от имени моего покупщику с указною очискою дать и в том во всем я тебе или от тебя кому за неумением твоим грамоте поверено будет, -верю и что ни учинишь впредь спорить и прекословить не буду.

Маия дня в 1800 году помещик твой порутчик Николай Васильев сын Сухово-Кобылин...

Человеку моему, Прокофью Сергееву

По отъезде моем ныне в столичной город Москву доверяю тебе если случатся какие по деревням мои Ярославской губернии вотчинные или частные по присутственным местам дела или от ково какие данные будут на имя мое закладныя явить и заисывать, также и векселя адрисованные от какого- либо купца на имя мое, то по оным хождение иметь, подавать ко взысканию и получать деньги, а равно если кто будет продавать крестьян деревнями или по розне полевые земли или пустоши, то тебе покупать или брать на мое имя от крепостных дел на законном основании купчие и по всяким делам иметь хождение.

И во всем том верю и что ты против сего письма учинишь впредь спорить и прекословить не буду.

ноября дня 1800 году к сему верующему письму помещик твой порутчик Николай Васильев сын Сухово-Кобылин руку приложил
УФ ГАЯО ф.92.1.д.698. лл. 52-52 об.

В. Селезнев, Е. Селезнева

«Но жив Кречинский между нами...»

40-летие первой комедии А.В. Сухово-Кобылина

Утром 27 ноября 1855 года, идя в Малый театр на последнюю репетицию «Свадьбы Кречинского», Сухово-

Кобылин неожиданно узнает от С.В. Шумского, что у С.П. Акимовой умер муж, она играть не будет, и роль Атуевой передана Н.В. Рыкаловой. Говоря современным языком, это был вынужденный ввод актрисы на большую роль, да еще в самый канун премьеры. Запись в дневнике драматурга: «Репетиция была без толку – учили Рыкалову – она плоха. <...> Вечером в Театре за кулисами репетировал с Рыкаловой».¹

В этот воскресный ноябрьский вечер ни Александр Васильевич, ни Надежда Васильевна, конечно же, и не догадываются, что роль Анны Антоновны Атуевой окажется лучшей ролью актрисы, и она будет свидетельницей и участницей всех трех триумфов в жизни Сухово-Кобылина: премьеры 1855 года, юбилейного спектакля 1895 года и волковских торжеств 1900 года в честь 150-летия русского театра в Ярославле. Через 40 лет, когда уже не будет почти никого в живых из участников знаменитого спектакля 1855 года, Атуева-Рыкалова – в 293 раз! – выйдет на сцену, придирчиво осмотрит гостиную в московском доме Муромских, кликнет швейцара Тишку, строго спросит его: «Колокольчик немец принес?», и закружится авантурный вихрь «Свадьбы Кречинского».

Спектакли «Свадьбы Кречинского» в Малом и Александринском театрах, на сценах буквально всех театров России мгновенно прославили комедию Сухово-Кобылина и ее героев – Кречинского и Расплюева. Достаточно было только воскликнуть: «Михайло Васильич!», и все отлично понимали, что подразумевается, конечно же он – главный персонаж комедии Сухово-Кобылина. Ключевые (и не только ключевые) реплики Кречинского и Расплюева тотчас полюбили зрители и читатели, легко вошли в разговорную речь, использовались в романах и пьесах, в фельетонах и пародиях, в политических и литературных статьях: «Маг и волшебник», «Мальчишка и щенок», «Была игра!», «Сорвалось!!!» и другие. «Свадьба

Кречинского» удостоилась подражаний и продолжений – высшей степени популярности художественного произведения.

Однако никто из театральных деятелей России никогда не задумывался: а не пора ли наконец, воспользовавшись подходящей датой, отпраздновать юбилей одной из самых популярных русских пьес, воздать должное замечательному драматургу?

Первым – и единственным! – додумался Фёдор Адамович Корш – владелец превосходного частного театра в Москве, на сцене которого играли выдающиеся актёры.

В 1895 году исполнялось сорок лет со дня театрального рождения «Свадьбы Кречинского», и Корш решил в честь этой годовщины поставить комедию Сухово-Кобылина на сцене своего театра. Фёдора Адамовича осенила ещё одна счастливая идея: пригласить на этот спектакль Надежду Васильевну Рыкалову, ту самую Рыкалову, игравшую Атуеву в легендарной премьеры 1855 года. Несколько лет назад актрису уволили из Малого театра – «против желания ее, против желания труппы, против желания публики»².

Но в труппе театра в то время не было актера на роль самого Кречинского, ну а какая же «Свадьба Кречинского» без великого богатыря, мага и волшебника. Корш попросил исполнить эту роль провинциального артиста А.И. Каширина, никогда прежде не игравшего Кречинского, но согласившегося «выступить в такой ответственной роли только для того, чтобы выручить дирекцию театра, которая, за отсутствием исполнителя для роли Кречинского, лишена была возможности возобновить пьесу в юбилейный день ее».

Сухово-Кобылин внимательно следил за подготовкой спектакля, но в самый последний момент не приехал на юбилейные торжества, сославшись на болезнь. Думается, Александр Васильевич лукавил. Как всегда, мнительный драматург, не избалованный излишним вниманием к своей особе ни театра, ни тем паче прессы, сомневался в удаче даже доброго начинания в свою

честь. Не поехал же Сухово-Кобылин в тот же театр Корша пять лет назад, когда там играли «Свадьбу Кречинского» специально для знаменитого французского актера Коклена-младшего, захотевшего увидеть Л.И. Соколова-Градова в роли Расплюева.

Представителями писателя на юбилейном празднике, как бы его полномочными послами были его дочь – графиня Луиза Александровна де Фальтан, его племянники – популярный романист граф Евгений Андреевич Салиас де Турнемир, Борис и Николай Петрово-Соловово. Салиас неизменно воздавал должное драматургии Сухово-Кобылина: называл драму «Дело» «вещью большого значения»; возмущался критиками, которые «отнеслись к «Смерти Тарелкина» с кондачка, смотрели на нее как на пустячок, - а проглядели, что это сатира почище щедринской».

Евгений Салиас, видимо, в это время и уговорил драматурга написать первую автобиографию – «1895год. 40-летие СВАДЬБЫ КРЕЧИНСКОГО». В ней Сухово-Кобылин впервые обстоятельно расскажет, как была задумана и написана его первая комедия, как она прорывалась на сцену сквозь цензурные рифы, как дирекция Императорских театров обокрала его, присвоив себе «все поспектакельные Деньги»⁷. Адресована автобиографическая запись Е.А. Салиасу де Турнемиру.

Премьера в театре Корша была назначена на 26 ноября 1895 года. Строго говоря, «Свадьба Кречинского» шла сорок лет назад двумя днями позже, но в издании трилогии 1869 года (единственное прижизненное издание «Картин прошедшего») вкралась явная опечатка – 26 ноября, этот день десятки лет и принимали за дату первой постановки комедии Сухово-Кобылина.

Из Петербурга на юбилейный спектакль приехал корреспондент суворинского «Нового Времени», один из самых дерзких и боевых публицистов Александр Валентинович Амфитеатров; позже – автор лучшей статьи о Сухово-Кобылине, где впервые вся его трилогия «Картины прошедшего» будет признана отечественной классикой.³

Московские газеты дружно откликнулись на коршевский спектакль, заранее его анонсируя. Особенно расщедрился «Русский Листок»: в день юбилея газета опубликовала, если не считать рекламного извещения под рубрикой «Театры и зрелища», четыре материала о драматурге и его комедии: так никогда ещё русская печать не баловала Сухово-Кобылина!

В статье «40-летний юбилей «Свадьбы Кречинского»», подписанной инициалами А.В. (возможно, псевдоним А.В. Амфитеатрова), сообщались краткие, но довольно точные биографические сведения об авторе комедии (а в ту пору даже авторитетные энциклопедические словари перевирали биографию Сухово-Кобылина), который окончил «курс в московском университете и дополнивший свое образование в германских университетах <...>»; о первоначальном отрицательном мнении Прова Садовского о «Свадьбе Кречинского», о встрече драматурга с Сергеем Шумским, о памятном чтении пьесы в подмосковном имении Сухово-Кобылина, о триумфальной премьере комедии в Малом театре, о неизменном отказе дирекции Императорских театров заплатить автору вознаграждение за одну из самых репертуарных отечественных пьес: «Потеряв всякую надежду получить за нее гонорар, А.В. Сухово-Кобылин напечатал в 70-х годах письмо, которым давал всем частным и провинциальным сценам право бесплатно играть его пьесу»⁹.

В фельетоне, опубликованном в той же газете под рубрикой «День за день», автор иронически замечает, что Малый театр проспал юбилей «Свадьбы Кречинского»: «Малый театр, очевидно, ждет пятидесятилетнего юбилея. Он не признает 40-летнего. <...>

Вообще Малый театр отличается своей невнимательностью к талантливым произведениям. Имея талантливых артистов, он разыгрывает иногда бездарнейшие вещи»¹⁰. Тот же упрек адресовал этому театру и корреспондент «Московских Ведомостей», удивляясь и возмущаясь, что «бессмертная комедия Сухово-Кобылина в день сорокалетия ее первого

представления» «была поставлена не в Малом Театре, как следовало бы, а в театре Корша <...>»¹¹ О странных провалах памяти у театральных деятелей не без ехидства сказано и в другой газете: «О том, что Кречинскому исполнилось сорок лет, вспомнил только г. Корш. И более никто. Этакая забывчивость у этих господ, к театральному делу прикосновенных!»¹²

На четвертой странице «Русский Листок» выдал поэтический гимн в честь Сухово-Кобылина и его не умирающих героев – Кречинского и Расплюева:

Пред всем талантливым бессилен
Годов и месяцев полет:
Талант не старится, живет...
И ныне Сухово-Кобылин
Пусть эту истину прочтет...
Сегодня рано он проснется,
И сердце сладко в нем забьется:
Справляет он, на склоне дней,
Хорошей пьесы юбилей...
С тех пор промчалось сорок лет,
Мы старше сделались годами,
Но жив Кречинский между нами,
И не забыт Расплюев, нет...
Напротив даже... Мысля строго,
Теперь Кречинских очень много
И при Кречинском, как всегда,
Есть свой Расплюев, господа...
Отлично знает их столица,
И, посмотрите, там и тут
Мелькают все Кречинских лица,
И все Расплюевы снуют...
У нас десятки их найдутся,
Они сегодня соберутся
У Корша, спорить я готов,
Чтоб...посмотреть на двойников!¹³

Но и это еще не все материалы, напечатанные газетой о Сухово-Кобылине. В информации «Автор «Кречинского», как спортсмен» «Русский Листок» рассказал о победе будущего драматурга в 1843 году на

первой джентльменской скачке на ипподроме Московского скакового общества¹⁴.

А московская газета «Новости Дня» в день юбилейного спектакля опубликовала запись воспоминой Рыкаловой, где находим любопытные подробности о премьеры «Свадьбы Кречинского» в Малом театре в 1855 году:

«Роль Атуевой досталась мне случайно. Она предназначалась Акимовой, но та неожиданно заболела¹⁵, и пришлось бы отменить бенефис Шумского, для которого пьеса была назначена. Покойный С.В. выручил как-то мой бенефис и по болезни И.В. Самарина играл в моем бенефисе экспромтом, чего Шумский не любил. Я считала себя обязанной дать ему реванш и согласилась играть роль Атуевой, хотя моим ампуа были первые драматические роли. Публика на первом спектакле была избранная, строгая и сдержанная. Первый акт шел при гробовом молчании, но как только упал первый занавес, вызовы и аплодисменты хлынули волною; успех пьесе был обеспечен. Аристократическая публика и второй акт слушала в полном молчании, не сопровождая ухода артистов ни единым хлопком. Как только падал занавес, энтузиазм проявлялся в полной мере. Роль Атуевой оставлена была автором за мной¹⁶, и с того времени мне вообще стали давать подобные роли»; «Очень обидно, что Малый театр прозевал этот юбилей, и не возобновил пьесу к 40-летию. Я очень рада, что мне придется участвовать в этом знаменательном спектакле»¹⁷.

Вечер 26 ноября 1895 года. Театр Корша переполнен. Как и сорок лет назад, надпись на кассе извещает опоздавших, что все билеты проданы. В фойе выставлен большой портрет Сухово-Кобылина, писанный масляными красками. Афиши спектакля украшены портретом драматурга и рисунком, где он сидит в своем рабочем кабинете.

Когда открывался занавес, на сцене уже сидела Рыкалова-Атуева. Её «встретили такою бурей рукоплесканий, что почтенная артистка не могла удержать слез»¹⁸. Перед началом спектакля Рыкаловой

был поднесен лавровый венок от Корша и корзина цветов от Сухово-Кобылина с надписью: «Высоко талантливой Н.В. Рыкаловой на память о первом представлении «Свадьбы Кречинского» от признательного автора». Азагаровой, игравшей в этот памятный день Лидочку, от имени драматурга вручили букет живых цветов¹⁹.

Юбилей «Свадьбы Кречинского» «совпал и «Георгиевским праздником» и Царским днем. В театр приходилось ехать мимо украшенных флагами домов, мимо зажженных на улицах иллюминаций. Пред началом спектакля исполнен был русский народный гимн, три раза повторенный по требованию публики. Множество офицеров Сумского драгунского полка, праздновавшего в этот день свой полковой праздник, наполняли в полной парадной форме ложи и кресла, а в честь их праздника в одном из антрактов был даже сыгран оркестром марш 3-го Сумского драгунского полка²⁰.

По словам корреспондента «Московских Ведомостей», «публика явилась в театр не обычная, воскресная, а так называемая «публика первых представлений», то есть искушенная во всех тонкостях актерской игры, отлично знающая и саму пьесу и ее театральную историю. И эта изысканная публика «оказалась весьма отзывчивою и совершенно искренне хохотала при терзаниях Расплюева, олицетворенного г. Грековым»²¹; хорошо принимала всех артистов.

Конечно, особенно восторженно приветствовали Рыкалову – госпожу юбиляршу, как ее назвал критик «Московских Ведомостей»²². «Несмотря на преклонные годы свои, Н.В. Рыкалова удивила публику ясностью своей дикции. Каждый выход заслуженной артистки был предлогом для оваций»²³.

По мнению А.В. Амфитеатрова, комедия «шла у коршевских артистов гладко и весело: гг. Греков, Трубецкой, Яковлев и Вязовский дружно вели пьесу, передавая роли Расплюева, Нелькина, купца Щебнева и Муромского. Большим пятном на общем светлом фоне был сам Кречинский – г. Каширин <...> Он был не на что

не похож и меньше всего на великосветского авантюриста»²⁴.

А.В. Амфитеатров пророчески сказал о пьесе на все времена великого русского драматурга: «Замечательное впечатление свежести и жизненности производит комедия А.В. Сухово-Кобылина, несмотря на почти полувековой промежуток, отделяющий нас от эпохи ее замысла. Несомненно, что это впечатление останется за «Свадьбой Кречинского» навсегда: литературные типы, прожившие невредимо – яркими полвека, останутся такими же в глазах многих поколений, и Расплюев и Кречинский не умрут на сцене, пока они не умрут в жизни. Этого же долго ждать, и – дождутся разве тогда, когда мечи будут перекованы на орала и лев станет пасть рядом с ягненком»²⁵.

После премьеры два племянника драматурга – Борис и Николай Петрово-Соловово, актеры, журналисты, друзья и почитатели драматурга собрались в серебряном зале отеля «Континенталь», где был дан торжественный ужин в честь Сухово-Кобылина. Меню ужина украшали юбилейная надпись и даты первой и нынешней постановки комедии. Хозяином вечера был Евгений Салиас. Артист Трубецкой, игравший в этот день Нелькина, произнес «тост за графа Салиаса, как представителя А.В. Сухово-Кобылина в настоящем собрании и крупного литературного деятеля нашей эпохи <...>»²⁶ Было произнесено несколько речей и тостов за «Свадьбу Кречинского», за ее творца. Почтили молчаливым поднятием бокалов память знаменитых актеров, игравших в пьесе. А.В. Амфитеатров «сказал несколько слов о влиянии комедии Сухово-Кобылина на литературный и обиходный язык русского образованного общества»²⁷.

А.В. Амфитеатров не упустил возможности публично напомнить России, что «Смерть Тарелкина» - последняя часть трилогии – до сего дня не может пробиться на сцену: «Между разговором, гр. Салиас сообщил нам о задушевном желании престарелого дяди своего увидеть, наконец, на сцене свою «Смерть Тарелкина» скрытую в

театральных архивах с 1869 г. Пора бы исполнить это законное желание и маститого драматурга, и публики»²⁸.

Участники ужина, который продолжался до четырех часов утра, послали приветственную телеграмму в имение Кобылинка, где жил автор Кречинского: «В знаменательный день сорокалетия появления на сцене Свадьбы Кречинского собравшись <так!>²⁹ чествовать Вашу блестящую комедию шлют Вам привет и сожаления о Вашем отсутствии. Пьем Ваше здоровье на многие годы»³⁰. Там же на ужине начался сбор подписей для адреса, который было решено поднести писателю.

С юбилеем «Свадьбы Кречинского» драматурга поздравило телеграммой и Общество драматических писателей³¹.

Получив поздравительные телеграммы (и вклеив их в свой альбом газетных вырезок), узнав, как в театре Корша торжественно отпраздновали день рождения Кречинского, не пожалел ли Сухово-Кобылин, что не поехал в Москву на юбилей «Свадьбы Кречинского»?

Признательный драматург, как бы подводя итоги своей жизни, посылает письмо инициатору юбилея – Федору Адамовичу Коршу:

«Милостивый Государь.

Прошел Год как Злая болезнь охватила Меня и крепко держит в своих железных и холодных Объятиях. Лишь такая Боль смела воздержать меня от Поездки в Москву, где я был так щастлив обще с вами и вам сочувствующей Публикой помянуть Свадьбу Кречинского в день ее Сорокалетия. Но мне это, как многое иное в Жизни, не Суждено! ...

Несмотря однако на эту Болезнь и разлучающую Меня с вами Даль день 26 Ноября проведу Я и Сердцем и Душею в общении с Вами в Стенах Вашего Театра.

Конечно при Моих скоро 80-ти Годах и при моей уединенной Жизни такая Манифестация для меня особенно трогательна и драгоценна. Она говорит мне, что я могу умереть Спокойно, что Труды мои [будут жить] не прошли бесследно в Литературе моей Родины, что на Руси найдутся еще Справедливые Люди, в нравственной Среде которых Имя мое будет жить.

Передайте, прошу вас этим лучшим людям простые и бесхитростные Чувства Старика в Труде совершившего свою Жизнь; уверьте их, что про Праздник этот празднуемый в стенах вашего вольного Театра есть для него лучшая и высшая Награда какую он себе на Закате дней мог [мог себе он] желать.

С особенной Признательностью и совершенным Уважением к Вам и ко всей Массе вам сочувствующих Лиц.

Искренно-преданный
А. Сухово-Кобылин»³²

В эти же дни драматург, желая публично отблагодарить зрителей, суд которых он всегда почитал для себя самым высшим художественным трибуналом, обращается к редактору московской газеты «Новости Дня» А.Я. Липскерову:

«Сериозная болезнь лишила меня высокого Удовольствия присутствовать на юбилейном спектакле 26 Ноября в Коршевском Театре.

Обстоятельство это делает для меня обязательным обратиться к Посредству Вашей уважаемой Газеты, чтобы благодарить Публику собравшуюся в этот День помянуть Сорокалетие Существования «Свадьбы Кречинского» на русской Сцене.

Нет сомнения, что из всех Наград, который счастливый Драматург может себе желать, самая высшая и существенная есть эта устаивающая память [о пьесе, когда], которая в своей абсолютной форме есть уже вечная память, т.е. бессмертие – удел и достояние истинной гениальности. Память эта исходит за пределы людских, скоротечных и скажу – при моих 80 годах – почти мгновенных Существованиях.

Строки эти пишу я из моего уединенного и далекого Гнезда; и Это Уединение, и Эта Даль дают большую Интенсивность и Теплоу моей благодарности всем тем Лицам, которые так любезно почтили память Кречинского и пожелали ему дальнейших Дней.

Прося вас, Милостивый Государь, дать место этим Строкам в вашей Газете я совместно прошу принять

уверение в моем совершенном Уважении и
Преданности.

А. Сухово-Кобылин

29 Ноября

1895.

Кобылинка»³³

* * *

Так, в 1895 году Москва отпраздновала юбилей великого мага и волшебника Михаила Васильевича Кречинского³⁴. А когда спустя два года самому Александру Васильевичу Сухово-Кобылину исполнилось 80 лет, то о нем в России никто и не вспомнил. Лишь труппа Александринского театра прислала поздравительную телеграмму, да и то по доброй подсказке друга писателя А.М. Рембелинского³⁵.

¹ РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 219. Л. 43

² Васильев С. {Флеров С.В.} Театральная хроника // Русское Слово. 1895.28 ноября. №323. С.1. перепеч. В его кн.: Театральная хроника. Сезон 1895-1896гг. м.: Изд. С.Рассохина. 1896. С. 108

³ Газетная вырезка // РГАЛИ. Ф. 438. Оп.1.Ед. хр.353. Л.315. Альбом газетных вырезок Сухово-Кобылина.

⁴ в 1890 году Сухово-Кобылин извещал свою сестру Е.В. Петрово-Соловово: «В нашем маленьком мире очень интересное событие. Брат издателя журнала «Новости» Нотович будучи недавно в Париже заинтересовал Coquelín'a Свадьбою Кречинского т.е. ролью Расплюева. Он, стоявши рядом с ним в Отель-Континенталь, познакомился и предложил дать на Театре Корше Кречинского для Коклена – о чем и просил меня написать Коршу письмо – я это сделал – Корш очень любезно сейчас распорядился ставить пиесу с Градовым-Соколовым в роли Расплюева и с Ленским в роли Кречинского. Я обещал быть. В газетах было объявлено – но скоро прошел слух, что Коклен не может быть<...> я опасался фиаско и своей глупой фигуры при этом

событии, не поехал – поручил Луизе принять Коклена и съездить на представление, разумеется взявши ложу. Все вышло наоборот. Коклен явился к Фальтанам и объявил, что непременно едет смотреть пиесу – а Корш уступил им свою ложу, в которой они и приняли Коклена (Цит по кн.: Гроссман Л.П. Театр Сухово-Кобылина. М.: Л. Изд. ВТО. 1940. С.129

⁵ Измайлов А.А. Романист на покое // Измайлов А.А. Литературный Олимп. М., 1911. С.424.

⁶ Гнедич П.П. Из моей записной книжки. Расплюев // Театр и Искусство. 1913. №14. С. 327.

⁷ РГАЛИ. Ф. 438. Оп.1. Ед. хр. 251. Л.1-2. Беловой автограф. Автобиографическая запись впервые полностью напечатана в кн.: Сухово-Кобылин // В его кн.: Литературный альбом. СПб. 1904. С.31-48.

⁸ См.: Амфитеатров А.В. Сухово-Кобылин // В его кн.: Литературный альбом. СПб., 1904. С. 31-48.

⁹ А.В. [Амфитеатров А.В. ?]. 40-летний юбилей «Свадьбы Кречинского» // Русский Листок. 1895. 26 ноября. № 328. С. 2.

¹⁰ Там же. Фельетон вклеен Сухово-Кобылиным в свой альбом газетных вырезок (РГАЛИ. Ф. 438. Оп.1. Ед. хр. 535. Л. 332, 332а, 332б).

¹¹ Д.Ф. Сорокалетний юбилей «Свадьбы Кречинского» // Московские Ведомости. 1895. 27 ноября. № 327. С. Рецензия дважды вклеена в альбом газетных вырезок Сухово-Кобылина (РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1 Ед. хр. 353. Л. 324, 331-331а). Автором рецензии видимо, был журналист Ф.А. Данилов (См.: Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты. 1960. Т.IV. С. 157).

¹² Что нового? (Обозрение-молния) // РГАЛИ. Ф. 438. Оп.1. Ед. хр. 353. Л. 323. Альбом газетных вырезок.

¹³ Меч Р. Из дневника. П // Русский листок. 1895. 26 ноября. № 328. С.4. Вклеивая эти стихи в альбом газетных вырезок (Там же. Л.318 б), драматург приписал их своему знакомому журналисту С.Л. Кегульскому (см. его статью: С.К. У автора «Свадьбы Кречинского» // Семья. 1894. №8. 20 февраля. С.6-7). Но С.Л. Кегульский

под таким псевдонимом никогда не печатался. Вероятнее всего, стихи сочинил поэт Р.А. Менделевич, одним из многочисленных псевдонимов которого и был Р. Меч (см.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. IV. С. 310).

¹⁴ См.: там же. С.2.

¹⁵ Неточность: у Акимовой накануне премьеры умер муж.

¹⁶ Сухово-Кобылин фактически был сорежиссером спектакля.

¹⁷ S.Рыкалова // Новости Дня. 1895. 26 ноября. № 4478. С.3. Воспоминания включены Сухово-Кобылиным в альбом газетных вырезок (Л:316). Автором публикации был, возможно, Александр Алексеевич Соколов – прозаик, драматург, журналист (см.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. IV. С. 443-444).

¹⁸ Васильев С. (Флеров С.В.) Театральная хроника. Сезон 1895-1896 гг. С.108.

¹⁹ Юбилей «Свадьбы Кречинского» // Русский Листок. 1895. 27 ноября. № 329. С.3. Информация дважды включена драматургом в альбом газетных вырезок (РГАЛИ. Ф. 438. Оп.1. Ед. хр. 353. Л. 327, 336).

²⁰ Васильев С. (Флеров С.В.) Театральная хроника. Сезон 1895-1896 гг. С.108.

²¹ Ф.Д. Сорокалетний юбилей «Свадьбы Кречинского». С.4.

²² Там же.

²³ Old Genflemen. [Амфитеатров А.В.] Сорок лет. Москва // Новое Время. 1895. 30 ноября. № 7087. С.3

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. «Смерть Тарелкина» будет поставлена только через пять лет – в театре А.С. Суворина, когда издатель «Нового Времени» сможет добиться цензурного разрешения играть эту пьесу в своем театре.

²⁹ Вероятно, вписано вместо «собравшиеся».

³⁰ РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л.320.

³¹ Там же. Л. 322. Текст телеграммы в альбоме газетных вырезок оборван в самом начале.

³² РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л.1-1 об. Копия.

³³ Автограф: Театральный музей имени А.А. Бахрушина. Ф. 273. Инв. № 2. Л. 1-1 об. Черновой автограф простым карандашом: РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 265. Л.1-1 об. Опубликовано (с корректоской унификацией): Новости Дня. 1895. 5 декабря. № 4487. С.3.

³⁴ См. еще отклики на спектакль Корша: Юбилейное представление «Свадьбы Кречинского» // Новости Дня. 1895. 27 ноября. № 4479. С.3 (альбом газетных вырезок. Л. 319). Мелочи // Там же. 28 ноября. № 4480. С.2 (альбом газетных вырезок. Л.333-332а, 334-334а). <Сообщение о торжественном ужине> // 28ноября № 4480. С.3 (альбом газетных вырезок 328-328а). Театр и музыка // Русское Слово. 1895. 25 ноября. № 320.С.3. Театр Корша // Русские Ведомости. 1895. 25 ноября. № 326.С.4 Театр и музыка // Там же. 28 ноября. № 329.С.3 <Юбилей «Свадьбы Кречинского»> // Московский Листок 1895. 28 ноября № 331. С.3 (альбом газетных вырезок. Л. 329-329а). Москва // Театрал. 1895. № 47. С.86-87. Советское литературоведение почти не заметило 40-летнего юбилея «Свадьбы Кречинского». В библиографическом указателе, составленном Е.К. Соколинским, зафиксировано лишь два отзыва на юбилейный спектакль (А.В. Сухово-Кобылин. Библиографический указатель литературы о жизни и творчестве писателя СПб., Гиперион. 2001. С. 48).

³⁵ В 1897 году А.М. Рембелинский напомнил В.Н. Давыдову, что «17 сентября высокоталантливый автор «Свадьбы Кречинского» и «Дела» и мой высокоуважаемый друг А.В. Сухово-Кобылин празднует день своего рождения и вступления в 80-летний возраст своей жизни. Считаю своим долгом известить Вас, как выдающегося исполнителя ролей Расплюева и Муромского, об этом обстоятельстве, на случай, если оно Вам неизвестно, в надежде, что Вы пожелаете от себя лично и от исполнителей Кречинского и от труппы

Александринского театра, вообще приветствовать его телеграммой в этот знаменательный для него день. Александр Васильевич вообще по тем или другим причинам так мало избалован приветствиями публики, что, вероятно, этим вниманием будет очень тронут. Я уже не говорю о том, что дирекции не помешало бы почтить его в этот день хотя бы тем, чтобы Кречинский фигурировал на афише. Собираются же с таким шумом на всю Россию праздновать 80-летие Айвазовского ! Всякому своя судьба... (Цит.: по Чарин А., Яснец Э. Площадь Островского,6 // Вечерний Ленинград. 1974. 13 февраля. № 37. С.3).

Пенская Е.Н.

«Свадьба Кречинского».

К проблеме жанра
метапьесы в театре Сухово-Кобылина

Нам уже приходилось писать о столкновении разных историко-культурных контекстов, важных для понимания феномена Сухово-Кобылинского театра, парадоксально совместившего традиционность сюжетных ходов, привычность интриги и уникальность целостностной структуры действия, узнаваемость отдельных персонажей-масок и шокирующие публику «комбинации»; взрыв условных рамок, резкий выход за пределы ампула; прямую цитатность диалогов, языковых приемов и долитературную, внелитературную архаику конвульсивной речи (1).

Трилогия Сухово-Кобылина, как ни одно другое произведение русской литературы XIX века, пожалуй, столь остро актуализирует породившее ее и порожденные ею конфликты, - социальные, биографические, интеллектуальные, политические, моральные, - на протяжении почти полувека вовлекая все новые. В результате был создан совершенно особый жанр, еще не вполне осознанный критиками и литературоведами, -синтетическая форма метапьесы, в которой весь комплекс проблем, стоящих за художественным материалом и одновременно воплощенный непосредственно в самих текстах, достигает в творчестве Сухово-Кобылина беспримерного напряжения. При этом жанр метапьесы в данном случае не исчерпывается обычными представлениями о ситуации театра в театре, опирающейся на центральную метафору: жизнь – это театр, а театр обозначается как мир, уже «зараженный» иллюзией. Соединение двух

типов комментария в Сухово-Кобылинских пьесах - обсуждение текста автором в связи с реакцией публики, спор с рецензентами и продолжение напряженной дискуссии в самом тексте, «проверка» всех составляющих театра - актера, декорации, сцены - слом на глазах зрителя их неустойчивых контуров, - все это превращает подготовительную работу (над конструкцией, пластикой, речью) и конечный результат, многократно фиксируемый в письмах, дневниках, в философских сочинениях, в документальный отчет автора перед самим собой и современниками.

Механизм становления этого способа общения двух сторон, находящихся в непрерывном противоборстве, предстоит рассмотреть на примере пьесы, положившей начало трилогии, - «Свадьбе Кречинского». Наглядное формирование инструментов метакритики, сверхкритики необходимо проследить также в последовательном соединении трех параллельных пластов - «Учения Всемир», обосновывающего постгегелевскую философскую концепцию, дневниковых записей, сопровождающих творческую историю «Свадьбы Кречинского», и непосредственно текста пьесы.

Параллелизм этих контекстов, их взаимоуточнение до сих пор недостаточно учитывались исследователями и рассматривались либо разрозненно и самостоятельно, либо для прояснения историко-биографических деталей. Так, к дневникам Сухово-Кобылина обращались многие филологи и театроведы, начиная с И.М.Клейнера, который впервые ввел их в научный оборот (2). Однако большей частью многочисленные извлечения из них действительно приводились авторами в качестве фактического или иллюстративного материала при подготовке книг и статей, посвященных творчеству драматурга. Между тем собственно театральные произведения и записи документального характера образуют метасистему, метахронику, законы поэтики которой предстоит обнаружить. Любопытно, что заглавие первой дневниковой тетради - «Журнал идей, мыслей, желаний, намерений и замечаний»(3).

Функциональная совмещенность обвиняемого и обвинителя, истца и ответчика – в жизни, в быту и на другом уровне тождество – автора и объекта, сочинителя и героя мифов, городских сплетен, литературных произведений, писательских отзывов (П.Боборыкин, А.Толстой, В.Дорошевич), театра как суда, выносящего приговор одновременно и публике, и персонажам, и реального судилища как страшного спектакля, интервьюируемого и интервьюера, обозревателя-аналитика и свидетеля – хроникера – все это создает форму универсального и безнадежного объяснения со всем и всеми, мучительную по своей изначальной субъективной и случайной природе и неизбежную в установлении вытекающих метасвязей – личных обстоятельств, историко-культурных закономерностей, наконец, дидактическим образом определяемых правил устройства общества, государства, вселенной. Таков поступательный ход мысли Сухово-Кобылина. Восстановление его этапов целесообразно начать со «Свадьбы Кречинского», наиболее укорененной в традициях русского театра XIX века.

К 40-летию постановки пьесы была сделана чрезвычайно важная мемуарная запись, адресованная племяннику, писателю Е.А. Салиасу: «После жизни в Париже я продолжал светскую жизнь до жестокого дня 7 ноября, который был жестокою точкою поворота меня в меня самого ... День этот – день потери любимой женщины – был днем жесточайшего немотивированного оскорбления и днем, когда я покинул московское общество и отряс прах от ног моих. Шесть месяцев после события я вновь принялся за немецкую философию, т.е. гегелизм и зачал мой перевод Гегелевских сочинений. Эта работа взяла у меня всю эпоху от 1850 до 1870 года, после которой наступила эпоха самостоятельной работы, которая и поднесь ежедневно продолжается. Замечательно, что совместно с этим в свободные моменты мне стало писаться урывками и, так сказать, экспромтом экскурсии в драматическую литературу. Случилось это так... «И далее отмечается самое главное – строится рассказ об истории этих экскурсов,

совершаемых будто бы в некий существующий пантеон, музей. (Показательно, что Сухово-Кобылин на протяжении всей жизни создает как бы три музея: музей-родословную своего предка в Кобылинке, культовый музей-комнату убитой Луизы Симон-Деманш, музей-коллекцию подлинников и переводов сочинений Гегеля. Некоторые детали этого омузеивания быта мы находим в «Свадьбе Кречинского», вспомним хотя бы портрет какого-то неизвестного генерала, в хлопотах перед встречей с Муромскими перемещенный в гостиную на видное место, «для генеалогии». Пьеса в свою очередь представляет собой ревизию «ценностей» отечественного театра). Но продолжаем фрагмент: «Твоя мать написала около 1851 или 52 года очень ловкую сценку из светской жизни, un proverbe. У меня за обедом в интимном кругу зашла об ней речь, и я упрекнул твою мать, зачем она разменивает свой талант на мелкие вещи, а не пишет прямо для сцены...Конечно, стали говорить о сюжете, и я посоветовал написать нечто вроде будущего, т.е. зарождающегося «Кречинского». Спросили лист бумаги и я начал писать *scenariò*. Бывший тут очень даровитый преображенский офицер Etienne Сорочинский, превосходный рассказчик и театрал, предложил твоей матери писать вдвоем. Что и было принято. Я должен был составить весь план, за что я на другой же день и принялся. В следующую субботу план был готов и одна сцена, которую я, увлеченный планом, тут же и набросал. Я прочел план и сцену, которая поморила со смеху всю компанию. Сцена эта и теперь жива – это второе явление второго действия, т.е. *entrée* Расплюева и его слова «Была игра», которая впоследствии была литографирована...имея массу свободного времени, я продолжал писать, и , таким образом, написались в свободные минуты и рядом с занятиями Гегелем весь второй, за сим третий акт – что сделалось довольно скоро, но первый акт, как трудный задержал работу. Прошел 1854 год, когда я был подвергнут второму аресту по делу об убийстве Луизы Симон. Арест продолжался шесть месяцев, и все они были употреблены на отделку и обработку «Свадьбы

Кречинского». Каким образом мог я писать эту комедию, состоя под убийственным обвинением и требованием взятки в 50 тысяч рублей, я не знаю, - но знаю, что написал «Кречинского» в тюрьме... В ноябре 1854 года я был уже в Петербурге и внес материал в 111 отделение Гедерштерну. Объяснение с ним было резкое. Он восстал на слог, который признал тривиальным и невозможным на сцене, и когда я намекнул на его некомпетентность как германца судить мой русский слог, то он, бросивши на меня свирепый взор, объяснил мне коротко и ясно, что пьесу мою запрещает. Поставили на ней красный крест. Несколько месяцев спустя на престол взошел император Александр 11. Дубельт исчез, и пьеса моя была разрешена к представлению. Я готовился представить ее в Контору Московского театра и передал ее Шумскому...

В городе продолжались зловещие слухи по поводу моего участия в убийстве Луизы. Можно себе вообразить сенсацию этой вероломной и тупоумной публики, когда она узнала, что этот злодей написал пьесу и выступает автором драматического сочинения».

Данный итоговый фрагмент интересен тем, что он написан как бы поверх других дневниковых записей, автобиографий, отмечающих почти болезненное, пристрастное внимание к составляющим успеха, триумфа, провала, поражения. Эти пограничные, крайние состояния особо притягивают Сухово-Кобылина. Потребность их собирать, «коллекционировать», итожить и одновременно возвращаться, исследовать, демонтировать, обнаруживается со всей отчетливостью там же, в трех параллельных трудах – в «Учении Всемир» (своего рода журнал, хроника философских штудий, очевидный итог, сохраняющий следы неокончательной, незавершенной работы мысли), в записках «для себя» и «для близких», словно бы вращающихся вокруг нескольких неподвижных точек, и в произведениях для сцены, написанных, по авторскому признанию, в самые тяжелые, «крайние» минуты.

В результате при соположении этих «участков» творчества мы можем говорить еще об одной очень важной особенности синтетического жанра – категории метаперсонажа, пребывающего исключительно в «переходном», «катастрофическом» положении разрыва между двумя альтернативными полюсами, пределами.

Философское обоснование такой концепции мы находим в разрозненных фрагментах «Учения». Это одно из тех звеньев, которое опиралось на вполне реальные процессы в естественных науках конца XVIII – первой половины XIX века, коснувшегося в частности, так называемого второго глобального кризиса математики. Он был связан с пониманием бесконечно малых величин, стремящихся к пределу, равному нулю. Одни математики считали их нулями и в вычислениях отбрасывали, другие полагали их отличными от нуля. О.Коши, чьи работы могли быть известны Сухово-Кобылину («Математическая теория», СПб., 1939 – к примеру) определил бесконечно малые как величины, существующие в их исчезновении и взятые не до их превращения в нуль (тогда они оказались бы постоянными, а не переменными), но и не после их превращения в нуль (тогда они не бесконечно малые). Характерно, что Гегель увидел в понятии бесконечно малых аналог диалектики, которая рассматривает вещь не до ее превращения в иное (тогда остановка движения), но и не после того (ибо это уже другая вещь) .а в процессе ее перехода в другое. Сухово-Кобылин считал, что именно здесь Гегель «врет и фальшивит», и оспаривал Гегеля своей теорией экстрем:

- Генезис круга (математический или графический, т.е. кругу внешний генезис) есть следующий : если мы возьмем прямую линию и предположим два ее конца и ее экстремами, т.е. противоположностями не только по форме, но и по их натуре или по содержанию...

Здесь оная прямая линия будет радиус, который связует один свой конец, центр, с другим своим движущимся концом, периферией, и круг будет купота, триединство тех трех, из которых два суть экстремы, а третье есть связующая Среда...

- При этом надо заметить, что экстремы центра и периферии суть в том еще более супротивны, что периферия есть внешность и изменность круга, а центр есть нутро...(5)

«Фактором экстремы», степени переходности, кризисности автора и персонажа в метадраме является речь. «Речевые породы», описанные Сухово-Кобылиным, - первые свидетели потрясений. Эти суждения о памяти языка, о «дневниковости» речи – в основе концепции «Авторства», «преодолевающего кандалы пространства»(6):

- Авторство есть прием, способность пишущего обвнутряться, в себе накопить напряженность, т.е. самого себя из себя зарядить, заряд этот услышать как внутренний шепот и этот шепот или внутреннюю речь,- мышление – изловить на бумагу, и такую изловленную речь или остывшее мышление в форме вещи, т.е. сочинения, передать в пользование и достояние человечества.

- Речь есть мысль во времени и потому есть привременна, почти неуловима,- ибо прозвучавши, т.е. озвучившись, тут же исчезает. Сочинение есть изловленное и в кандалы протяженности закованное мышление...

- Я ходил за всеми потребными выражениями вовсе склады и резервы слов и выражений русской речи.

- ...я нашелся принужденным расширить на целую половину моей жизни тот срок молчания, который Пифагор в своей школе ограничил пятью годами...

- На всю эту передовую речь следует ныне накинуть черный траурный креп. Непостижимым определением рока мой 20-ти летний труд, т.е. перевод Гегеля оставил мне только руины. Огонь, разрушивший мой дом и пожравший до половины моего имущества, пожрал и половину моего труда... Для избежания недоумений и жалоб на темноту и кажущиеся произвольности утверждений мною обозначены времена, в которых пополнения эти были мною после пожара набросаны...(7)

Наконец «Свадьба Кречинского» именно памятью «речевой породы» вписывается в сложную взаимосвязь дневниковых обобщений и обращений к собственной биографии, непостижимым образом вместившей «такую массу трат, затрат, утрат, растрат, потрав»(8).

В «Кречинском» речь правит действием. Постулат речевой первичности подтверждается также и органикой рождения целого, - от второго акта и слов «Была игра», к третьему, а затем к трудному приращению начала.

Именно «специальные» речевые ресурсы позволяют разыграть и поставить целый каскад спектаклей в пространстве одной пьесы, словно бы распадающейся на глазах у зрителей на отдельные элементы. Последовательность этих элементов необходимо проследить.

Все персонажи манипулируют речевыми возможностями и становятся «жертвами» языка, речи. Речь словно бы «преодолеывает» контуры роли, ее костюмность, фактуру, смешивает, путает амплуа. Так, главный «сценарист», актер, «скоморох» Кречинский вовлекает в свой театр остальные группы, постоянно меняя план действий – «Пора кончить или переменить декорации» - говорит он в самую решительную минуту(9). Господин Боско, «профессор натуральной магии и египетских таинств... против Михайла Васильича мальчишка и щенок» (10).

Смена речевых декораций как раз и заключается в крайне напряженной концентрации ситуаций «на грани». Система внутренних спектаклей в первой части трилогии речевыми атрибутами «классифицирует» катастрофы, поражения и провалы. Просчитанная до мелочей стратегия оборачивается абсурдом (не случаен мотив числа, цифры, то и дело мелькающей в диалогах – например, «Теория вероятностей» - только так Кречинский подсчитывает свои шансы на женитьбу (11), размеры долга, проигрыша, чужого состояния с какой-то маниакальной настойчивостью повторяются из реплики в реплику). Власть абсурдной речи и абсурдного,

вопреки расчету и логике, криминального действия утверждает хаос:

- падает с лестницы Тишка,
- от звона колокольчика постоянно вздрагивает Муромский – его словно «варом обдало»,
- удар звонка хронометрирует приближение гибели,
- «путина», «водоворот», «омут», «содом целый» - экстремы игры карточной, игры театральной, игры судьбами. И далее:

- «драка», «убийство», «смерть», «насилие» («Я те, как курицу задущу», - говорит Расплюеву Кречинский; «Лидочку ...надо будет прибрать покрепче в руки, ... смять в комок, чтоб и писку не было» (12); неизвестная дама, полюбившая Кречинского, «совсем истерзалась и потухла» (13); Кречинский: «За что же вы меня так безжалостно жмете, долбней по голове приканчиваете?»; Он же: «Порядочный человек, сударь, без нужды не душит другого, без крайности бревном другого не приваливает...»(14)

- речь словно бы «разваливает», рушит действие, оставляя неразличимость, «распадающуюся материю» - от этого проклятого миллиона остается дым какой-то, чад», «вздор и пустяки», «просто ничего не вижу...(трет себе лоб Расплюев): пестрота какая-то (15).

- сохраняются лишь каркасы фраз, «предметники»: «Деньги...карты...судьба...счастье...злой, страшный бред!...(16)

Так, подспудно в словах персонажей готовится финальная реплика, венчающая опасный розыгрыш: «Сорвалось!» Так игра обретает в контексте первой пьесы, а в дальнейшем и всей трилогии в целом, принципиально новый для русской литературы статус. Нарушение логики, стратегия абсурда, сама «пластика» хаоса после «прекращения и превращения» истории исследуется в мире Сухово-Кобылина. «Вам известно, что я относительно России пессимист,- писал он в девяносто четвертом году В.С. Кривенко. – Я ее люблю, жалею, ... но хую. Мне она всегда была мачехой, но я был ей хорошим трудовым сыном... Бог Всемирной Истории не милует; и излюбленная российская

«Теорийка» «Подания Милостей» во всемирной истории человечества места не имеет. В этом социальном, или человеческом, рациональном Прогрессе царит Истина, то есть абсолютная Справедливость; И Суд Истории есть существенно справедливый Суд без Лицеприятия...Модное, сентиментальное сочетание Суда правого с судом милостивым есть Бред и Иллогизм. Иллогизм в жизни фатален ... нам современная чиновничья Россия иррациональна, а потому, надо полагать, не устоит и скоротечно прейдет» (17).

Примечание:

1. Пенская Е.Л. Салтыков–Щедрин и Сухово-Кобылин// М.Е. Салтыков–Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий. Тверь.1996.С.35-40;Пенская Е.Н. «Страшный суд» как этическая и эстетическая проблема в творчестве А.В.Сухова-Кобылина.// Русская литература 19 века и христианства. М.,МГУ, 1997. С.206-211.
2. Клейнер И.М. А.В.Сухово-Кобылин в свете новых материалов. Диссертация. М.,1944.,Селезнев В.И. снова о деле Сухова-Кобылина // Вопросы литературы. М.,1996. Май-июнь. С.157-182.
3. «Странная судьба» (публикация Н.Б. Волковой) // Встречи с прошлым. М.,1986. Вып.3.,с.22.
4. «Странная судьба». Указ. соч. С.29-30.
5. РГАЛИ, ф.438, оп.1, д.70, л.62-70.
6. Там же, л.67.
7. Там же, д.56, л.1,л.2-3, л.3-4 л.19-21.
8. Сухово-Кобылин А.В. Письмо к В.С. Кривенко// Сухово-Кобылин А.В. Картины прошедшего. Л.,1989. С.239.
9. Там же, с.33.
10. Там же, с.45.
11. Там же, с.35.
12. Там же, с. 32,33.
13. Там же, с.29.
14. Там же, с. 35.
15. Там же, с.45.
16. Там же, с.30.
17. Там же, с. 242.

Макеев С.М.

Жанровый канон в творчестве А.В. Сухова-Кобылина

Внимание исследователей творчества Сухова-Кобылина не раз привлекала разножанровость его драматургической трилогии. В единое целое драматург объединил произведения, жанр которых обозначен как «комедия», «драма» и «комедия-шутка».

Такие знатоки творчества Сухова-Кобылина, как Е.Н. Пенская (1), полагают, что речь в данном случае должна идти не о простом конгломерате разных жанров, но о реализации специфического замысла – стремление драматурга подвести в своем творчестве итог классической драматургии и довести до предела развитие ее основных жанров. Иначе говоря, каждый жанр не просто используется драматургом, он не просто следует сложившемуся жанровому канону, но стремится его реформировать, показав ограниченность его мировоззренческих и гносеологических оснований.

Не касаясь всей трилогии, я бы хотел показать работу этой стратегии на примере второй части трилогии, драмы «Дело».

Напомню, что жанр драмы возникает у просветителей и раньше всего у Дидро, и на первом лозунге, под которым драма вступила в литературу, было написано «добродетель» - задача, которую ставил перед собой Дидро,- показать красоту морального поведения человека. Жанр драмы изначально моралистичен, без морали, без системы ценностей, стоящей «за спиной человека», которую он готов отстаивать ценою в том числе и собственной жизни, драмы не существует. Этим драма отличается от трагедии, в которой ценности находятся «перед» человеком, могут отрицаться трагическим героем. Отсюда устойчивая расстановка сил в драме, ясное и однозначное противопоставление дурного и доброго, добродетели и порока, Добра и Зла.

На первый взгляд, драма «Дело» вполне традиционна по своему построению. В этой пьесе, следующей за комедией «Свадьба Кречинского», совершается резкий поворот к драме за счет того, что в центр действия попадает семейство Муромских, точнее, именно их взгляды здесь становятся нравственной призмой, через которую рассматривается все происходящее. Именно в этой пьесе Муромские становятся воплощением Добра. Это сказывается прежде всего в новой позиции Нелькина в тексте. Если в первой пьесе со своими нравоучительными «идеальными» и совершенно справедливыми заявлениями он неожиданно оказался в изолированном положении, будучи слишком идеальным и непонятым для Муромских, и даже его высокая нравственность ставилась под сомнение, так как близко граничила с эгоизмом отвергнутого влюбленного, то теперь он становится органической частью лагеря Добра и к нему присоединяется Иван Сидоров, еще один моралист, дополняющий резонера, образованного своею народной мудростью.

Полюс абсолютного Зла, воплощаемого в классических драмах демонически масштабными фигурами, - Принцем в «Эмили Галотти» или Жоржем де Жермани в мелодраме «Тридцать лет или Жизнь игрока», с которыми сталкиваются нравственные герои, Сухово-Кобылин замещает мелкими чиновниками, погруженными в канцелярскую рутину.

Обратим внимание на то, как своеобразно осложняет эту оппозицию драматург. Отношения, которые складываются между двумя полюсами, - это не только противоборство добра и зла, но и отношения живого и неживого: канцелярская машина, лишенная сердца, пользуется слабостью живых людей. Именно поэтому она легко добивается успеха.

Подтверждает это основной прием, использованный Варравиным: угроза освидетельствования Лидочки. Для бездушного механизма легко пойти навстречу и тем доказать невинность, но для живого человека это нестерпимо:»Ах!

Так это целый ад!!... Петр Константинович (махнув руками), отдавайте все!» - говорит Нелькин, услышав о хитроумном постановлении (2). И это нормальная реакция человека, именно теперь осознавшего меру бесчеловечности силы, с которой он сталкивается.

Эта своеобразная синонимия отношений зла/добра и мертвого /живого, призванная, на первый взгляд, усилить эффект контраста, в тексте пьесы сыграет совершенно иную роль. Американский исследователь Harold Segel (3) обратил внимание на иррациональность финала пьесы, на роль в развязке ужасного рока, знаменующего вмешательство сверхчеловеческих сил, враждебных человеку. Таким образом, мир чиновников предстает олицетворением и рационального и иррационального зла, что в целом также характерно для классической драмы, сочетающей в себе и логику судьбы и превратности случая, которые можно трактовать как совокупное действие человеческих и сверхчеловеческих сил.

Атака на основания жанра ведется у Сухово-Кобылина с неожиданной стороны. Драматический герой реализуется и как психологический тип, и как носитель и воплощение определенных нравственных принципов прежде всего в своих собственных речах: «Овладеть словом, назвать – значит овладеть обстоятельствами, одержать победу в жизненной битве. Слово для всех важнейшее оружие»(4) - эти слова, сказанные о важнейшем принципе драматургии Островского, можно отнести к драматургическим принципам в целом. Герой классической драмы при этом не просто обладает словом, красивой и абстрактной моралистической риторикой, но готов своими страданиями и смертью утвердить абсолютную человеческую ценность таких понятий как Честь, Верность, Добродетель, Долг, и, соответственно, показать негативное звучание понятий Грех, Преступление, Предательство и т.д. То, что на стороне Муромского и его лагеря находятся эти слова, делает их нравственным центром пьесы, именно они страдают и

умирают, отстаивая их высокий смысл и непреложную, неотменимую ценность.

Именно на уровне слов, точнее, на том уровне, где высочайшие моральные ценности человечества выступают как всего лишь произносимые слова и начинается разрушение жанрового канона.

Прежде всего таким словом является Закон. Для двух враждебных лагерей это слово звучит по-разному. Если для Муромского, Ивана Сидорова, Нелькина закон значит справедливость, является синонимом этого слова, то для Варравина и его начальства и подчиненных он означает Процедуру, Постановление, скорее бумагу, чем живое понятие. Таковую борьбу двух Законов мы наиболее ярко видим в сцене Муромского с Варравинным, где аргументация Муромского основана на справедливости: «Стало, по вашему закону шулеру Расплюемому больше веры, чем мне, жесток ваш закон, Ваше превосходительство!»(5) или «Что же, ведь и закон неопытность принимает в соображение – она ребенок»(6).

Противостоящий им закон чиновников они называют капканом, средством расправы и унижения. Положительные герои видят, что в руках чиновников это слово – только прикрытие, что легко увидеть в маленьком обмене репликами между Нелькиным и Иваном Сидоровым по поводу предстоящего освидетельствования: «Иван Сидоров. Позвольте, государи, - что за попыхи. По-моему, они этого сделать не могут. Закона нет. Нелькин. Ха-ха-ха, - закона... О чем стал говорить – о какой гили...»(7). В устах Ивана Сидорова это слово звучит почти в том же смысле, как и в его осудительном монологе из первого действия, где он проявляется как твердый старообрядец: «А винность-то чья? Ваша, батюшко. Вы закона не держитесь; закон забыли. Дом дело великое; у нас в дому молятся; а ваш-то дом шинком стал, прости Господи»(8). То есть Закон предстает здесь как моральное установление, переступание через которое ведет к гибели. Нелькин же противопоставляет наивности Ивана Сидорова то, что понимается под законом у чиновников.

Именно эти «законы» обличаются много раз положительными героями: «Неужели внутри нас нет столько честности, чтобы с гордостью одеться в лохмотья внешней чести, которую располосовал в куски этот старый шут закон, расшитый по швам, разряженный в ленты и повесивший себе на шею Иудин кошель»(9). Чиновничий закон – это «кнут», «капкан», «дремучая сень», под которой скрываются преступления. И наконец, в последних криках Нелькина этот эвфемизм отмечается и произносится точное слово: «Великую месть всякой обиде, всякому беззаконию затаю я в сердце!... На ее углях накаю я клеймо и влеплю его прямо в лоб беззаконию!...»(10).

Для Нелькина и Муромского, таким образом, Закон не теряет своей силы и высокой ценности от того, что творят с ним его «стражи». Их борьба не с законом, а с беззаконием. Они защищают Закон, своими страданиями доказывая его ценность.

Такое же значение для Муромских имеет слово Суд, несмотря на все то, что представляет он собой в руках чиновников. В сцене с Князем Муромский отрицает суд ложный, защищая подлинный: «Суды ваши – Пилатова расправа. Судопроизводство ваше – хуже Иудейского!. Судейцы ваши ведут уже не торг – это были счастливые времена – а разбой!»(11). Ситуация проясняется: Муромский воспринимает слова всерьез и, думая, что, говоря правду, берет реванш, мучительно страдает не только из-за дочери, но и из-за искажения высоких ценностей. У Муромского они становятся как бы плотью, так же как дочь – его «плоть и кровь», поправление их причиняет почти физические страдания: «Муромский... Пусть слышит меня и курьер; пусть он пойдет в трактир, в овощную лавку, ну – в непотребный дом! И пусть там – ну хоть там расскажет, что нашелся хоть один Дворянин на Руси, которого судейцы до тех пор мучили, пока не хлынула у него изо рта правда вместе с кровью и ... дыханием!!» (12). Причина такого трепетного отношения к этим и другим словам в том, что за ними стоит Бог, Правда. Именно Богу в понимании и Муромского и Ивана Сидорова принадлежат Суд и

Закон. Иван Сидоров легко трактует ситуацию всевластия чиновников как предвестие наступления царства Антихриста именно потому, что Закон справедливости и милосердия они подменяют крючкотворством, Муромский именно к Богу апеллирует в споре с Князем: «невинную девушку загубите. Годы! Золотые годы отымете, честь в комок сомнете и видите (указывает вверх) ... Богу ответ дадите!» на что Князь отвечает «(посмотрев на потолок) Ну при этом, полагаю, вы кончили»(13). Обратим внимание на то, что Муромский указывает «вверх», а Князь смотрит «на потолок».

Именно тем, что суд и закон должны быть божьими, объясняется требование милосердия и сердечного сочувствия: «Муромский. Ну, судите милостиво, зачем моей дочери бежать, да меня обкрадывать, когда я сам ее замуж отдавал. У вас у самих дети; вы сердцем внемлите; тут надо сердцем ощутить. Князь. Мы, сударь, обязаны не ощущать, - а судить. Муромский. Без этого и судить нельзя»(14).

Так только два слова: Закон и Суд в устах по-настоящему верящего человека поднимают целое поле связанных с ними фундаментальных понятий: и отцовская любовь, сердце, русская история (именно в этой пьесе Муромский вспоминает, что он участник войны 12-го года), жалость, сострадание, милосердие, наконец, Бог, как гарант и воплощение всего этого. Все эти слова и понятия обнаруживают тесную и неразрывную связь. В этой цепи абстрактные понятия тесно связываются с конкретными простыми человеческими чувствами.

Сухово-Кобылин создает парадоксальную ситуацию, в которой частное лицо защищает Закон от его блюстителей. При этом оказывается, что, защищая свою семью, защищая Закон, Муромский выступает как защитник миропорядка, на который покушаются чиновники. И это фантастически укрупняет фигуру бывшего неопытного, неуклюжего провинциала, превращая его в последнего защитника всего, что

составляет основу человеческой жизни, а его семью – в оплот Добра.

Противостоит же Муромским сила, которая не придает этим словам никакого значения. После самой патетической сцены Варравин произносит важнейшую фразу, редко замечаемую интерпретаторами: «Ну... адвокат! Отчитал рацею!... каково прибрал. Пилатова расправа... иудейское судопроизводство... а Иудейское... ну и заплати ...Мы за словами не погонимся...»(15) . Мертвая бесчеловечная канцелярская машина обращает и все слова в мертвые.

Вот в каких контекстах произносят многочисленные чиновники слово Закон: «Варравин. Если потребуется, то приступить по Закону, - к медицинскому освидетельствованию подсудимой»; «Тарелкин. Нет, что ни говори, а я уважаю этот закон природы; - именно закон природы: потому многочисленные опыты показывают – был беден, ничего не имел –и вдруг богат»(16). Наконец «Живец. Это произошло здесь в канцелярии. Их превосходительство изволили выйти и требовать просителя – и, упрекнув их в даче денег, - возвратили –бросили оные на пол, чем по долгу службы стал здесь и при них нахожусь, как по силе присяги Закон повелевает» (напомню, что этому рассуждению предшествует отвратительная борьба Живца с Варравинным за выпавшие из пакета деньги (17). Чиновники употребляют и это и все другие высокие слова – Честь, Долг, Присяга – с огромной легкостью, как абсолютно пустые.

Представители зла отказываются и не видят причин саморазоблачаться: их лексикон изобилует теми же самыми словами, что и речь положительных героев. Сухово-Кобылин активизирует многозначность слова, противоположанную морализму, и эта двусмысленность ключевой лексики переносит свою двусмысленность и на понятия, выражающиеся при ее помощи.

Отсюда глубоко иронические штрихи, используемые в обрисовке лагеря Добра, явно выходящие за рамки жанрового канона драмы. Так, например, наиболее патетические монологи Муромский

обращает к Князю, страдающему в это время несварением желудка, и их результат - облегчение страданий. Уже это обстоятельство выглядит как глумление над патетикой, причем глумление, несомненно, авторское, несмотря на все речи, Муромские решаются дать взятку, не имея мужества бороться, и Нелькин, с его разговорами о клейме в лоб беззакония, первый настаивает на том, чтобы откупиться.

И одновременно Зло перестает быть абсолютным, перестает просто и однозначно противостоять Добру. Это выявляется в размывании параллельной оппозиции мертвое/живое. Очень важно, что и в этой мертвой среде происходит в «Деле» как бы видимость жизни, она по-своему насыщена событиями и переживаниями, имеет свою историю, своих героев вместо Суворова и Кутузова (легендарный Антон Трофимыч Крек), свои страсти, цели, даже своих положительных представителей (Шило, Смега). В ее изображении много гротескных и по своему характеру достаточно человеческих эпизодов (вроде совместного пения чиновников или обилия бумаг, способных физически погрести под собой Варравина, погоня кредиторов за Тарелкиным – ироническая параллель к разорению Муромских). Мир чиновничества уже в «Деле» представляет собой пародию и зеркальное отражение жизни Муромских, это, метафорически выражаясь, мертвая природа, которая имитирует живую.

Так в драму вводится противоположенный ей релятивизм, размывающий ее ключевые оппозиции добра и зла, живого и мертвого, закона и беззакония. Так в недрах второй пьесы подготавливается торжество мертвого мира «Смерти Тарелкина».

Селезнев В.

В подготовке архивных документов к печати принимала участие Елена Селезнева

**Дело Виктора Гроссмана,
или история захвата большевиками архива
А.В. Сухово-Кобылина.**

1.

«Милостивый Государь,

как видите, я смущена тем, что в течение двух месяцев не выразила Вам своей признательности, за то, что Вы первый оказали внимание памяти моего дорогого отца, а меж у тем прошел уже 31 год с тех пор, как я имела несчастье его потерять.

Но, видите ли, очень трудно найти средство, чтобы дать Вам возможность познакомиться с этими бумагами. Потому что их невозможно доверить ни кому бы то ни было, ни почте, ни железной дороге.

Боюсь, что таможня их конфискует, а в них несколько килограммов. Мой отец придавал большое значение своей философской системе и своим философским трудам. Его дневник датирован 60-70 годами - время, когда я начала жить с ним - и постепенно он его оставлял.

Переписка его погибла во время пожара в Кобылинке. Семейные бумаги и портреты я оставила семье Петрово-Соловово в октябре 1917 года, когда я принуждена была покинуть Россию во время революции. Остальные бумаги у меня во Франции. У меня есть прекрасный портрет моего отца, рисованный Бобровым в 1885 году. Я отцу говорила, что мое намерение завещать его музею в Эрмитаже.

Вы видите мои затруднения как, Вы думаете их устранить. Моя кузина М. М. Петрово-Соловово, которая находится в Москве, имела сердечный припадок и теперь не время с ней об этом говорить. Когда ей станет лучше, Вы сможете с ней поговорить.

Желаю Вам от всего сердца достичь Вашей цели и прошу Вас принять мою благодарность лучшие пожелания»¹.

Автор письма, посланного из Франции в Россию 25 июля 1934 года, - графиня Луиза Александровна де Фальтан (1851-1940), единственная дочь великого русского драматурга и философа Александра Васильевича Сухово-Кобылина (1817-1903). Упоминаемая кузина - Мария Михайловна Петрово-Соловово (1858-1941), племянница писателя.

И, наконец, адресат письма — историк литературы, профессор Виктор Азриэлевич Гроссман, в это время любовно и тщательно готовивший к печати рукопись своей будущей книги – «Дело Сухово-Кобылина» (М.: ГИХЛ. 1936). В заявке «Процесс А.В. Сухово—Кобылина и его творчество», посланной 11 марта 1933 года в Гослитиздат, ученый впервые выдвинул тезис, что «в основе творчества С<ухово-> Кобылина лежит громадная личная правда, она совпала с общественной»; «вот почему его трилогия приобрела громадное общественное, даже историческое значение»². В монографии Виктор Гроссман не только убедительнейше опровергнет более чем спорную версию своего однофамильца – Леонида Гроссмана, безоговорочно объявившего Сухово-Кобылина убийцей своей гражданской жены Луизы Симон-Деманш (его исследование так и называлось – «Преступление Сухово-Кобылина». 2-е изд. Л.: Прибой, 1928), но и впервые непреложно установит, кто, как, где и когда убил парижскую модистку и московскую купчиху Симон-Деманш.

Луиза де Фальтан не только несказанно обрадована, но и потрясена письмом Виктора Гроссмана, пришедшим из той, ныне столь далекой России, которую её отец так любил, так жалел, так проклинал. Неужели там, на его родине, кто-то ещё не только помнит Сухово - Кобылина, но и чтит его как великого писателя? Растроганная и благодарная Луиза готова тут же отдать весь громадный архив отца, который она бережно хранила все эти десятилетия, не ставя никаких условий не требуя никакой оплаты, лишь бы эти бесценные материалы попали в надежные любящие руки. Но как без риска переправить архив в Россию (даже мысленно дочь писателя никогда не именовала эту страну

Советским Союзом), не знает ни госпожа Фальтан - она резонно опасается, что бдительная советская таможня конфискует все материалы и они бесследно исчезнут, ни Виктор Гроссман.

Ученому, разумеется, хорошо известно, что главный собиратель и закупщик историко—литературных документов в Советском Союзе и рубежом — Владимир Дмитриевич Бонч—Бруевич. Тот самый управляющий делами ленинского Совнаркома (ну что—то вроде бескорыстнейшего Павла Бородина новейшего времени), в те же годы — председатель петроградского комитета по борьбе с погромами, грабежами, контрреволюцией, преступностью и саботажем (грабежи и погромы - это само по себе, а преступность по их логике — видимо, нечто совсем иное); деятель фанатично неудержимый и цинично—беспринципный, потому—то в 1931 году партия я доверила ему возглавить создающийся главный литературный музей страны.

Но похоже, Гроссману не очень—то хочется иметь дело с Бонч—Бруевичем и он предпочитает обратиться в 1935 году в Гослитиздат, для которого он и готовит свою книгу, к руководителю сектора классиков С.И. Кавтарадзе: «Г<оспож>а Фальтан, желая дать мне возможность познакомиться с этими бумагами, не находит способа передать их в мое распоряжение. Препровождая Вам ее письмо в копии и с переводом, прошу Вас принять меры к тому, чтобы ценный архив великого драматурга поступил в распоряжение Гослитиздата. Надеюсь, что получив эти бумаги Вы дадите мне возможность опубликовать их с моими комментариями, а так же использовать для книги о жизни и творчестве Сухова-Кобылина, над которой я работаю»³.

Однако государственное издательство не пожелало обременять себя излишними хлопотами и переадресовало просьбу ученого все тому же Бонч-Бруевичу. Резолюция С.И. Кавтарадзе 13 января 1935 года на письмо Виктора Гроссмана: «Т. Маргозин. Прошу направить это В.Д. Бонч-Бруевичу в Лит. Музей:- я с ним говорил, и его это дело интересует. Т. Гроссман

потом может получить в Лит. Музее возможность работать над материалом» (Там же).

Хотя главный кремлевский оценщик и скупщик архивных материалов и заинтересовался архивом Сухово-Кобылина, но в том году у него иные, куда более грандиозные планы. Он снаряжает экспедицию в город на Неве, десять лет тому назад наречённый псевдонимом его бывшего покровителя, где после убийства Сталиным своего же сатрапа Кострикова, известного в большевистском мире под кличкой Киров, энкаведешники тысячами бросают петербуржцев в тюрьмы, расстреливают, высылают из города. В городе, вконец запуганном тотальным террором, понятно, всеобщая паника, ну а какой же большевик не воспользуется столь благоприятной ситуацией для захвата добычи!

С циничной откровенностью 16 апреля 1935 года Бонч-Бруевич докладывает главарию кремлёвского правительства В.М. Молотову: он получает сведения из Ленинграда, где передвижка населения, что многие из отъезжающих, или предполагающих, что они должны будут уехать, творят ужасные дела: то ли понимая, то ли по злобе, то ли из боязни – уничтожают ценнейшие архивы XVIII и XIX веков.

Я зная, что недавно, например, одна 80—летняя старуха, дочь известного драматурга Потехина, современника Островского, уничтожила всю переписку к нему <...> Здесь необходимо было бы действовать решительно и быстро скупать все архивные документы, причем эта скупка в настоящее время может производиться почти за бесценок». Сам Бонч-Бруевич «готов был бы выехать в Ленинград на некоторое время, захватив с собой одного-двух опытных, вполне дисциплинированных сотрудников и организовал бы без всякого шума скупку этих материалов, причем, само собой понятно – цены на эти материалы нам удалось бы очень понизить против тех, которые установились на этом рынке».

Рьяного директора осенила ещё одна сногшибательная идея: а почему бы не попросить

«Народного Комиссара Внутренних дел тов. Г.Г. Ягоду, чтобы он отдал распоряжение, чтобы при обысках, которые совершаются в Ленинграде и Москве перед высылкой людей, все письменные материалы обязательно были бы отбираемы и чтобы они, таким образом, не могли быть после уничтожены»⁴. До чего же ловко и выгодно: чекисты чистыми руками хватают не только троцкистов и прочую вражину, но и заодно их архивы!

Ягода согласился, что Бонч-Бруевича следует послать в Ленинград, но не «его одного, а совместно с председателем от Культпропа ЦК ВКП(б), или кого-либо от Совнаркома»⁵: понятно, для надзора, дабы «вполне дисциплинированные сотрудники» не кинулись бы на какие-нибудь сомнительные документы или не уворовали бы кое-чего. Однако о соблазнительном предложении хваткого директора забирать не только врагов народа, но и их архивы, даже не счел нужным упомянуть: то ли посмеявшись над сим прожектом, то ли возмутившись, словно у доблестных чекистов мало забот и без пыльных кипищ бумаг.

В Ленинграде Бонч-Бруевич скупает чуть ли не даром множество уникальных материалов, о чем 20 августа 1935 года он горделиво рапортует Молотову: «Владельцы охотно и с полным доверием передали мне эти материалы в долг, причем их нам удалось *очень сильно понизить*»⁶. Да так здорово понизил, что Евгении Николаевне Мининой – дочери друга писателя, за ценнейшие фотографии Сухово-Кобылина Бонч-Бруевич уплатил (или взял в долг, как Хлестаков) всего-навсего 225 рублей. Нисколько не оправдывая грабительские приемы ленинского сообщника, скажу, что большевистские правители не слишком-то расщедривались на покупку историко-литературных документов.

2

Завершив столь блестяще, да еще почти задарма, ленинградскую эпопею – тотальную зачистку тамошних архивов, Бонч-Бруевич вспоминает наконец-то и о

Сухово-Кобылине. В последний день 1935 года он направляет письмо Виктору Гроссману, понимая, что тот, знающий адрес Луизы де Фальтан, на этом этапе ключевая фигура к архиву драматурга:

«Я хочу серьезно приняться за это дело, чтобы получить все, что имеется у его дочери из его литературного наследства. Я могу снести непосредственно, а кроме того, и наши представители живущие в Париже, также ней зайдут и вплотную переговорят об условии получении всего того, что у ней сохранилось. Мы, конечно, найдем способы переслать все, что у ней имеется, к вам в Москву. Когда мы получим эти материалы, мы сейчас же Вас об этом известим.

Будьте любезны с обратной почтой сообщить мне адрес графини Луизы де Фальтан (так! - В.С.). Я приму все меры, чтобы получить от нее материалы как можно скорее». (Ед. хр. 748. Л. 2).

Не буду упрекать недоучившегося студента (из Межевого института его выгнали, потому что он там не столько учился, сколько агитировал за самое передовое учение) за то, что он не знает, как правильно транскриптируется фамилия дочери драматурга. Зато Бонч-Бруевич точно всё рассчитал, как играя на доверчивости Луизы, как используя честного литературоведа (как наживку), автора выходящей превосходной монографии о Сухово-Кобылине, можно заполучить из Франции его архив.

Письмо Виктора Гроссмана, посланное 15 февраля 1936 года Луизе де Фальтан, явно инспирировано, если не просто продиктовано Бонч-Бруевичем:

«Длительная болезнь помешала мне немедленно ответить на Ваше любезное письмо.

Книга моя, посвященная жизни в творчестве Вашего великого отца, в ближайшие дни выйдет из печати и я Вам ее тотчас же отошлю.

По мнению всех, знакомых с книгой, память о замечательном русском комедиографе будет окончательно освобождена от каких-либо подозрений.

Теперь я работаю над обширной биографией,

которая должна охватить жизнь всего семейства Сухово-Кобылиных, где было много выдающихся представителей - писательница Елизавета Васильевна, художница Софья Васильевна и т. д.

Вы были так добры, что согласились передать мне все литературное наследство Вашего отца: рукописи, письма, дневники, фотографические карточки его и членов семьи, печатные статьи и проч.

Имея в виду, что у нас предполагается полное собрание сочинений и писем Вашего великого отца - (включая и его философские работы) - необычайно важно, чтоб весь материал поступил ко мне возможно раньше.

Письмо это передаст Вам мой друг и доверенный Александр Яковлевич Аросев. Он дипломат. Вы можете ему доверить все, и он передаст все полученные от Вас материалы. Переслать все бумаги в нашу страну для него не составляет никаких затруднений.

Если у Вас были расходы, связанные с перепиской, перепечаткой, хранением и т.д. этих материалов, т. Аросев уполномочен мною все эти расходы оплатить согласно Ваших указаний.

Вообще вся деловая сторона этого поручения мною доверена ему целиком и полностью⁷.

Увы, в этом письме очевидным инициатором которого был Бонч-Бруевич, всё, за вычетом информации о книге Виктора Гроссмана и о задуманной им обстоятельной биографии всего семейства Сухово-Кобылиных, - ложь. Понятно, когда отвечаешь на искреннее и признательное письмо чуть ли не через два года (хотя и не по своей вине), приходится оправдываться версией о своей длительной болезни. И вряд ли недоучившийся (как и его партколлега Бонч-Бруевич), по собственному признанию, бывший студент А.Я. Аросев, один из вождей (второго ряда) октябрьского путча, в ту пору — уже не на дипломатической работе, а председатель ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей) — одного из легальных шпионских филиалов НКВД, мог быть личным другом, да ещё и доверенным серьёзного историка литературы.

Но самая фантастическая выдумка в письме Гроссмана – Бонч-Бруевича: будто в СССР - в 1936 году! в самый разгар Большого террора! - собираются издавать полное (!) собрание сочинений и писем Сухово-Кобылина, да ещё включая его философские труды! Не токмо в ту бесовскую пору, но и нынче, спустя почти 70 лет, никто даже и не помышляет о столь грандиозной затее.

В письме нет хотя бы намёка на какую-либо, пусть самую минимальную, пусть символическую, оплату архива, который дочь драматурга столько лет бережно хранила и сейчас готова расстаться с ним безвозмездно. Вместо этого заводится странная речь о возможной оплате неких её расходов на переписку и перепечатку этих материалов, как будто Луизе вдруг ни с того ни с сего вздумалось таким способом копировать документы своего отца. И всё в беспроектной игре на благородстве дочери великого писателя, которая, разумеется, ни за что не возьмет деньги за эти мифические расходы.

Почему честный профессор согласился подписать столь явное враньё? Бонч-Бруевич, вероятно, сумел убедить его, что только таким образом можно заполучить заветный архив Сухово-Кобылина. А Виктору Гроссману так заманчиво было первым увидеть бесценные документы, дающие возможность раскрыть столько неизвестных страниц биографии драматурга, столько загадок его жизни, его трилогии.

29 февраля 1936 года Бонч-Бруевич в письме к Виктору Гроссману официально подтверждает заключённое между ними соглашение: «во-первых, все те материалы, которые привезет нам тов. Аросев из Парижа, поступают в Государственный Литературный Музей, причем за Вами, как за автором по исследованию судебного дела, биографических и других документов Сухово-Кобылина, остается право на первое использование всех этих материалов, которые Вы обрабатываете для опубликования необходимых сведений о рукописях в наших Бюллетенях, а сами материалы подготавливаете к опубликованию в отдельном

томе «Летописи» нашего Музея. После того, как эти материалы будут Вами описаны в Бюллетене и проработаны для «Летописи» и изданы в ней, все эти материалы поступают в общее пользование, согласно тех правил, которые выработаны Правительством для Государственного Литературного Музея» (Там же. Л.3).

На этом миссия Виктора Гроссмана выполнена: больше Бонч-Бруевичу уже незачем к нему обращаться.

3.

Проходит почти год, пока Бонч-Бруевич приступает к завершению задуманной операции. Очевидно, Луиза де Фальтан колеблется: одно дело передать архив отца самому Виктору Гроссману, и совсем иное дело - вручить его представителю официального советского учреждения..

Ленинский приспешник, не довольствуясь письмом от Виктора Гроссмана, решает подключить к своей комбинации и племянницу Сухово-Кобылина - Марию Михайловну Петрово-Соловово. Почему-то решив, что в Болье архивом фактически распоряжается не Луиза де Фальтан, а её компаньонка мадам Бучер, Бонч-Бруевич уговаривает, если не заставляет, Марию Михайловну в январе 1937 года написать два письма к мадам Бучер: «Мадам, когда я как близкая родственница получу для издания труды писателя Сухово-Кобылина, я позже передам их Литературному Музею в Москве, уполномоченный взялся их перевезти в Москву. Я прошу вас передать представителю Музея, который вам вручит это письмо, все сочинения моего дяди, которые находятся у моей кузины» (Ед. хр. 2943. Л. 249. Машинописная копия на французском языке). Марии Михайловне внушили, будто бы архив в Болье заберёт представитель Литературного музея, а ей - лично в руки! - отдадут труды драматурга для их издания в СССР!

20 января 1937 года Бонч-Бруевич, посылая письмо-директиву полномочному представителю СССР во Франции В.П. Потёмкину, наставляет его, как необходимо действовать, дабы не спугнуть графиню и её компаньонку, а то, как бы комбинация в самый

последний момент не сорвалась, как у великосветского авантюриста Кречинского:

В Ницце «проживает 85-летняя единственная дочь известного драматического писателя и философа гегельянца Сухово-Кобылина comtesse Falletan. Она сейчас очень плоха и можно ожидать ее смерти. Ее племянница <кузина переименовывается в племянницу>, живущая в Москве — Мария Михайловна Петрово-Соловова <?> путем длительной <?> переписки убедила свою тетку <?> передать весь оставшийся литературный архив Сухово-Кобылина к нам в Государственный Литературный Музей»; «Очень прошу Вас совершенно немедленно, здесь буквально дорог каждый час, послать в Ниццу самого учтливового, изящного и обходительного человека из полпредства, хорошо знающего французский язык, этому человеку вручить письмо на имя м-м Бучер при сем прилагаемом от М.М. Петровой-Солововой <?> и мою доверенность на получение архива Сухово-Кобылина. <...> Этот архив разыскивается в течение более 50 лет <?>, но только теперь благодаря нашим большим связям здесь в Москве, нам кажется, удастся это сделать. И теперь все находится в Ваших руках.

Ваш посланник должен помнить, что эта старуха Фаллетан – графиня и что м-м Бучер из такого же общества и что нужно быть очень осторожным, чтобы чем-нибудь себя не скомпрометировать. Я прекрасно знаю, что Вы дадите надлежащие инструкции и все сделаете наилучшим образом» (Там же. Л. 248-248 об. Здесь, как и в дальнейшем, сохранены все синтаксические и орфографические особенности В.Д. Бонч-Бруевича). Неужто профессиональный пролетарский революционер вместо очередной подготовки очередной пролетарской революции вдруг занялся – при жизни Сухово-Кобылина! – поисками архива?

До чего же смахивает сия инструкция на поучения главного героя “Свадьбы Кречинского” своему клевету, незадачливому картёжному шулеру Расплюеву, как

взять солитер у Лидочки Муромской: «Ты отправляйся и отдай букет Лидии Петровне лично. Поздравь от меня с добрым утром, этак, поваляжнее, отрекомендуйся понимаешь? Да уберись хорошенько... Если старик дома, букет отдай, а записки ни-ни. Я прошу в ней, между прочим, чтоб она прислала мне ее солитер, что я обдeldывал в булавку.... Я пишу ей, что вчера был у меня о нем спор с князем Бельским и состоялось о нем большое пари. Получи вещь и принеси аккуратнейшим образом. **(Грозит ему.** Об этом пари можешь и сам приврать что-нибудь... Или нет, не ври: у тебя во вранье всегда передел бывает». Только Михайло Васильевич, в отличие от Владимира Дмитриевича, никогда не был ни профессиональным революционером, ни профессиональным экспроприатором, я поэтому собирался позаимствовать солитер лишь на время, а отнюдь не украсть.

Видимо, в полпредстве среди сотрудников удалось-таки отыскать «самого учтнвого, изящного и обходительного человека», да ещё «хорошо знающего французский язык» (понятно, далеко не все большевистские дипломаты - питомцы ликбезов и рабфаков, курсов красной профессуры, сносно владели языком страны, куда их заслали), хотя бы внешне не смахивающего на своих разбойных сотоварищей - видимых бойцов невидимого фронта. Его-то и направили в Болье для завершения операции...

Вряд ли полуобразованные советские дипломаты (все они, если и не служили платными агентами НКВД, то так или иначе были повязаны с этой конторой, беспрекословно выполняли любое задание карательно-разведывательных органов), догадывались, какой контрреволюционный архив – убежденного монархиста Сухово-Кобылина! – им приказано доставить в столицу мировой революции, где людей хватили и сажали даже за хранение официальной программы правящей партии (другие партии в этой стране, впрочем, давным-давно ликвидированы и политически, и физически).

25 февраля 1937 года добытые материалы отправлены в Москву, к Бонч-Бруевичу. Уже 9 марта он

выражает сотруднику полпредства М.С. Мерле «самую искреннюю и большую благодарность»: «Мы уже принялись за разработку присланных материалов, архив очень интересен» (Там же. Л. 273).

Ну как же можно и тут не удержаться для пущей важности от привычного вранья: за несколько дней огромный массив присланных материалов даже бегло просмотреть ну никак невозможно, а не то что заняться их «разработкой».

За все про все Бонч-Бруевич выплатил лишь командировочные расходы на поездку в Болье сотрудника полпредства В. Соколина, худо ли, бедно ли, но исполнившего порученную ему роль «самого учтливового, изящного и обходительного человека», да еще «хорошо знающего французский язык».

4

Но на этом хваткий Бонч-Бруевич не успокаивается. Он жаждет приобрести еще и библиотеку Сухово-Кобылина, допытывается у сотрудников полпредства, все ли документы передала им дочь писателя.

От М.М. Петрово-Соловова он узнает, что там, в Болье, оказывается есть еще чем поживиться, заставляет племянницу драматурга снова писать во Францию к своей кузине – опять просить ее выдать все, что у нее еще осталось. А Луиза Александровна, кроме других литературных материалов, бережно хранила портрет отца, нарисованный в 1885 году академиком В.А. Бобровым, портрет, которым так дорожил Сухово-Кобылин. Этот портрет дочь драматурга собиралась завещать Эрмитажу, как она написала в приведенном письме к Виктору Гроссману.

16 мая 1938 года Луиза Александровна отвечает Бонч-Бруевичу: «Моя кузина, Мария Петрово-Соловова, которая занималась рукописями моего отца – русского писателя Сухово-Кобылина, написала мне, что Литературный Музей желает приобрести портрет, оцененный в десять тысяч франков. Этот портрет может быть Вам предоставлен, за сумму 7.000 фр[анков]., которые должны быть выплачены по адресу бульвар

Марини 32. Я нашла также дневник моего отца и его письма; все в прекрасном состоянии. Вы сможете также их получить за тысячу пятьсот франц[узских] франков. Мое материальное положение не позволяет мне расстаться с этими вещами, не получив за них деньги. Если мои условия Вам не подходят, прошу известить, п[отому] ч[то] у меня есть возможность получить за них деньги здесь» (подлинник на французском языке: Ед. хр. 2085. Л.2-2 об. Перевод: Л.1).

Как изменилась тональность писем Луизы: она заговорила непреклонно и жестко, заговорила языком своего отца, всю жизнь неустанно бившегося за свои литературные и материальные права. Догадавшись, что ее бессовестно надули, что ценнейшие материалы попали не в руки выдающегося ученого, а в большевистскую контору, она больше ничего не собирается отдавать им даром: продать, извольте; дарить – никогда.

На полях перевода резолюция Бонч-Бруевича секретарю музея К.Б. Суриковой; «Экстренно К.С. Сейчас же напишите ей что дневник и письма мы охотно купим и что я очень прошу ее с обратной почтой прислать хоть маленькое описание дневника (сколько стр. какого года и пр.), а также сколько писем и к кому можно сказать что мне это нужно для оформления. Портрет также купим вслед за дневниками и письмами. Спросите нет ли у нее еще чего и напишите что я прошу прислать и их всей их семьи фото для архива Сухов[о]–Коб[обылина]»

Текст письма, подготовленный Суриковой, Бонч-Бруевичу, видимо, чем-то не понравился, и директор 1 июня 1938 года сам сочиняет очередное послание в Болье:

«Мадам, Гос. Лит. Музей в Москве с большим удовольствием готов приобрести дневник и письма Вашего отца, пис[ателя] Сухово-Кобылина.

Прошу Вас прислать нам краткий перечень документов: будьте добры указать годы и количество листов дневника, а так же количество писем, даты и имена. Нам это необходимо для того, чтобы

мотивировать выплату 1.500 франков, которые Вы сможете получить.

Что касается портрета Вашего отца, мы сообщим свое решение несколько позднее.

Просим Вас, сударыня, передать Литер. Музею фото всех членов вашей семьи – если они у Вас имеются.

Если Вы обнаружите еще какие-нибудь литературные материалы, я с радостью приму их» (Там же. Л.5).

Бонч-Бруевич в первые раз готов заплатить: за дневник и письма Сухово-Кобылина, но его портрет, как и семейные фотографии, видимо, опять надеется заполучить как бесплатное приложение.

9 июля того же года Луиза более подробно извещает Бонч-Бруевича о материалах отца:

«Его дневник состоит из 2 тетрадей в каждой из них приблизительно 100 стр. Он относится к 1863, 1864, 1874 и 75 годам. Все это в хорошей сохранности. Кроме того, имеется довольно большая связка писем и документов и 15 писем, адресованных мне лично. У нас также несколько фотографий отца и матери Сухово[-Кобылина], мои собственные карточки и несколько фото моего отца.

Мое крайне тяжелое материальное положение, вызванное долгами и тем, что мне приходится помогать моей кузине, живущей в Россия, заставляет меня требовать оплаты, без которой я не могу пожертвовать Вам все, что я предлагаю» (Подлинник на французском языке: Там же. Л. б. Машинописная копия перевода: Л. 8).

Казалось бы, теперь-то уж всё предельно ясно, какие материалы есть в Болье, за них-то и нужно платить, а не снова выискивать жульнические комбинации. Но Бонч-Бруевич не был бы Бонч-Бруевичем, если бы взял, да и отдал деньги. Он придумывает новый трюк, как всё-таки выудить оставшиеся документы у дочери Сухово-Кобылина.

Читаю письмо неистового экспроприатора, посланное 15 июля 1938 года:

«Само собой понятно, что мы не просим Вас все эти

материалы жертвовать, а желаем все эти материалы у Вас купить. Вы пишете, что Вам приходится помогать Вашей кухне, живущей в Советском Союзе, что Вам для этого и нужны средства. Это обстоятельство очень облегчает наши взаимные расчеты: я был бы очень благодарен, если бы Вы разрешили уплатить за все эти материалы в наших советских деньгах и всю сумму сполна перевести Вашей кухне, адрес которой я прошу Вас сообщить. Такое разрешение вопроса было бы самым простым и всецело бы совпало с тем способом, которым мы приобрели главнейший материал по Сухово-Кобылину у Вашей тетушки, живущей под Ниццей. Если же Вам самим надо получить известную долю, то скажите только какую именно и мы Вам заплатим в французской валюте. Для того, чтобы судить, что мы должны Вам заплатить, я бы очень просил Вас отправить в наше Полпредство (адрес: _____) все имеющиеся у Вас материалы: оно все нам вышлет. Мы здесь сейчас же все оценили бы и тогда ждали бы Вашего распоряжения как и кому уплатить деньги. Само собой понятно, что мы просим Вас прислать все документы: письма, записки, дневник, фотографические карточки и пр. деловые бумаги.

Будьте уверены, что выполнено все будет точно и аккуратно и вполне правильно.

Очень прошу Вас ответить мне как можно скорее» (Машинопись с небольшой правкой В.Д. Бонч-Бруевича: Там же. Л. 9-9 об. Машинописная копия для перевода на французский язык: Ед. хр. 2943. Л. 313).

Коммунистическому директору так нетерпёж до конца обчистить дочь драматурга, дорваться до последних документов его архива, что он явно позабыл, что обращается отнюдь не к Марии Михайловне Петрово-Соловово, а к Луизе Александровне де Фальтан, превращая почему-то кухню в тётушку, да ещё важно возвещая Луизу, что эта её тетушка, то бишь сама Луиза, живёт под Ниццей! И зачем-то Бонч-Бруевич спрашивает у неё адрес Марии Михайловны, словно это не он инспирировал ее письма в Болье.

Бонч-Бруевич словно вспоминает роман о великом

комбинаторе раннего социализма: утром – стулья, вечером – деньги; правда не в пример Остапу Бендеру, верный ленинец думает не о торговой сделке, а просто о краже. А если уж придется платить, то, ясное дело, куда выгоднее советскими рублями, чем французской валютой.

Заполучив заманчивыми посулами от владельцев ценные материалы, Бонч-Бруевич вовсе не спешил отвечать тем. У кого ему удалось выманить документы, ожидая, видимо, ухода бывших владельцев на тот свет или в ГУЛАГ. А когда отмаливаться стало никак нельзя, Бонч-Бруевич сочинял ответы, всячески занижая историко-литературное значение, а тем самым и реальную цену полученных им материалов.

Историк Павел Павлович Щеголев, сын известного пушкиниста П.Е. Щеголева, передал в 1935 году в Ленинграде И.С. Зильберштейну, сотруднику Литературного музея, многие материалы для музея, среди них: письма Сухово-Кобылина, единственный сохранившийся экземпляр трилогии «Картины прошедшего» с большой авторской правкой. Не зная, дождался ли Павел Павлович, умерший 13 января 1936 года⁸ (сами можете себе вообразить, в такую годину и без помощи НКВД!), ответа на письмо, посланное им 18 июня 1935 года Бонч-Бруевичу: тот не только не прислал вовремя обещанные деньги, но даже не изволил известить сына историка, получены ли музеем переданные материалы (См.: Ед. хр. 2311. Л. 22-22 об.).

А Марина Дмитриевна Менделеева-Кузьмина, дочь великого русского химика, вынуждена была обратиться сперва в наркомат народного просвещения, а затем и к самому В.М. Молотову с настоятельной просьбой, чтобы сотрудники музея вернули её рукопись, которую они взяли только для ознакомления, а потом посчитали своей собственностью: «со мной поступили нехорошо, попросту обманули, и я продолжаю просить Вас побудить Литературный музей выполнить то, что мне было обещано Наркомпросом» (Ед. хр. 106.Л. 16 об.). Не после подобных ли жалоб на музейных грабителей Бонч-Бруевича в 1939 году придётся убраться с поста

директора

музея?

Луиза Александровна, конечно, не могла ничего знать об этих махинациях ленинского приспешника, но и своего личного опыта ей хватило, чтобы догадаться, с кем ей пришлось иметь дело.

Бонч-Бруевич предпринимает еще одну попытку захватить оставшиеся материалы архива Сухово-Кобылина, надеясь вновь использовать специфический опыт чекистов-дипломатов. 25 июля 1938 года он опять обращается за братской помощью к главе полпредства СССР во Франции В.П. Потемкину:

«Вы, конечно, помните, как два года назад при Вашем огромном участии мы получили архив Сухово-Кобылина огромной важности для науки. Нам на днях написала внучка <тетушка уже стала внучкой! – В.С.> Сухово-Кобылина у которой, оказывается, имеется значительная часть этого основного архива. То, чем она владеет, очень важно для целого архива. Так бы хотелось его получить. Из прилагаемой копии нашего письма к ней Вы увидите, как мы хотим поставить это дело, но я не уверен, удастся ли так. Было бы очень хорошо, если бы Вы кого-нибудь направили к ней и договорились бы с ней, узнали ее желание и цену; что именно у нее хранится Вы увидите из копии ее письма, которое мы тоже Вам прилагаем, конечно, самое лучшее, нам оплатить здесь, в Москве.

Когда что Вы узнаете по этому делу – пожалуйста, сообщите мне, - а дело это очень важное» (Ед. хр. 2085. Л.10. тот же текст – ед. хр. 2913. Л. 312).

Но сей раз проверенная комбинация сорвалась. Даже чекисты-дипломаты, не отличавшиеся, как хорошо известно, излишней щепетильностью, не пожелали больше выполнять бессовестные поручения Бонч-Бруевича, фактически отказались принимать участие в грабеже престарелой женщины. Полпредство вместо «самого учтивого, изящного и обходительного человека», как хотелось бы Бонч-Бруевичу, послало Луизе Александровне лишь формальный запрос об архиве, подписанный секретарем полпредства Бирюковым.

Дочь драматурга, разгадав истинного автора этого

запроса, свой без труда прогнозируемый ответ, датированный 7 августа, адресовала «Господину директору Литературного Музея и Господину Бирюкову в Париже»:

«В ответ на Ваше письмо от 23 июля 1938 года ставлю Вас в известность, что я не имею возможности выслать документы без гарантии, т.е. без предварительного вноса. Помощь, которую я оказываю своей кузине, я не могу более оказывать, мое положение мне это не позволяет; чтобы помочь своей кузине в Москве, мне пришлось войти в большие долги, и теперь надо мной висит угроза, что кредиторы наложат арест на ренту, которой я живу» (Машинописный подлинник на французском языке: Ед. хр. 2085. Л. 12. Машинописная копия на французском языке: Ед. хр. 2943. Л. 315. Машинописный перевод: Ед. хр. 2085. Л.11).

На этом прекращается переписка Бонч-Бруевича с Луизой де Фальтан. Выманив у нее бесплатно громаднейший архив Сухово-Кобылина, Бонч-Бруевич так и не захотел (а может быть, и не смог: кремлевские правители неизменно урезали его расходы на закупки) раскошелиться, чтобы выкупить оставшиеся материалы великого русского драматурга и философа.

5

Пора вернуться к Виктору Гроссману; это же с его невольной подачи и началась история захвата большевиками архива Сухово-Кобылина. Напомню: Бонч-Бруевич 29 февраля 1936 года заключил с ним соглашение, по которому ученому предоставлялось право на первое использование всех полученных материалов.

Но теперь ленинский приспешник передумал и не хочет допускать Виктора Гроссмана к архиву драматурга Бонч-Бруевич уклоняется от встреч с профессором, предпочитая вести неприятные переговоры через своего секретаря К.Б. Сурикову. Директор решил передоверить уникальнейшие материалы не замечательному знатоку биографии и

творчества Сухово—Кобылина, а совсем другому лицу, неизвестному какими—либо трудами на поприще русской словесности.

Сурикова резонно опасаясь, что в случае какой-либо проверки её же обвинят в том, что она хотя и по приказанию Бонч-Бруевича, но врала Виктору Гроссману, 4 сентября 1937 года строчит для перестраховки докладную записку своему директору. Это настолько важный документ, приоткрывающий механику вершения дел в музее, что привожу его полностью:

«Довожу до Вашего сведения, что 1-го сент. с. г. был в Музее В. А. ГРОССМАН, желавший получить от Вас ответ: когда он сможет приступить согласно В[ашему] обещанию к работе над полученным из-за границы архивом Сухово-Кобылина. Я напомнила В.А. Гроссману о его телефонном разговоре с Вами и Вашем приглашении притти к Вам я побеседовать лично. В.А. Гроссман заявил, что телефонным разговором с Вами он не удовлетворен, так как обработка этого архива предлагается другому товарищу, а ему какая-то часть, когда он имеет все права на весь архив полностью, причем В.А. Гроссмана не интересует обработка этого архива для «Летописи» и «Бюллетеня», а исключительно для его личной работы по Сухово-Кобылину. В.А. Гроссман свои права основывает на следующих положениях:

- 1) он указал Музею адрес дочери Сухово-Кобылина,
- 2) без его книги, реабилитирующей память Сухово—Кобылина, этого архива Музей не мог купить,
- 3) Вы в письме обещали ему это право за содействие В.А. Гроссмана в получении архива.

И на основании всего этого Гроссман просит у Вас, когда он сможет работать над архивом.

Желая избежать разговора с Вами в резких тонах, в случае отрицательного ответа В.А. Гроссман предпочтет писать в Комиссию Партийного Контроля обо всем этом деле, причем подчеркнет то обстоятельство, что вначале вы действовали не через полпредство, как он указывал, а через А.Я. Аросева.

На следующий день В.А. Гроссман узнавал у меня о результатах моего разговора с Вами. Я передала В.А. Гроссману сказанное вами, а именно, что обращение к дочери Сухово—Кобылина потерпело фиаско, что архив получен через другое лицо полпредством и этим самым аннулируется и данное Вами обещание на обработку им этого архива. Тогда В.А. Гроссман сказал, что зная официальное положение В.А. ПАВЛОВ по отношению к нашему Музею, Ваше предложение тов. Павлову работать над архивом Сухово-Кобылина расценивается определенно и это тоже будет служить материалом для разбора дела в Комиссии Партийного Контроля.

Причем присовокупил, чтобы я посоветовала Вам не осложнять этого дела, что я делать категорически отказалась, и добавила, что я только протокольно передаю все разговоры и что все эти разговоры было бы желательно вести непосредственно.

В.А. Гроссман просил после всех этих разговоров узнать у Вас:

Может ли он 15 сентября с. г. приступить к обработке архива.

14-го сентября с. г. В. А. Гроссман будет звонить в Музей» (Ед. хр. 106. Л. 7—7 об.).

Текст не слишком—то грамотный и внятный, но всё же позволяет узнать много нового об этой детективной истории. Как выясняется сперва Бонч-Бруевич пытался получить архив, используя свои личные связи с Л.Я. Аросевым — председателем ВОКСа, и лишь затем обратился в советское полпредство, на чём с самого начала я настаивал Виктор Гроссман.

Учёный доказывает своё право первым начать изучение архива Сухово-Кобылина, а в ответ слышит откровенную ложь Бонч-Бруевича, «что обращение к дочери Сухово-Кобылина потерпело фиаско, что архив получен через другое лицо полпредством и этим самым аннулируется и данное Вами обещание на обработку... этого архива».

Из записки узнаём о намерении Виктора Гроссмана обратиться в Комиссию партийного контроля для защиты своих прав. Однако, думается, в одной

комиссии ленинский приспешник пользовался куда большим влиянием, нежели историк литературы. И, наконец, в записке впервые названо имя того, кому Бонч-Бруевич передоверил изучение архива Сухово-Кобылина.

Не знаю, пришёл ли 14 сентября рокового 37-го Виктор Гроссман в Литературный музей, успел ли он послать жалобу в Комиссию партийного контроля; не знаю точно, когда он был арестован, но больше о нём в ту пору никаких сведений нет. Имя замечательного биографа Сухово-Кобылина надолго исчезнет из научной литературы.

В тот самый день, 15 сентября 1937 года, когда Виктор собирался приступить к обработке архива Сухово-Кобылина, Бонч-Бруевич посылает некоему В.А. Павлову «письменное предложение стать во главе научно-исследовательской разработки <?> всех материалов, поступивших к нам с разных сторон, касающихся творчества А.В. Сухово-Кобылина» (Ед. хр. 217. Л. 3). Не буду опять говорить о дикой безграмотности ленинского сподвижника («стороны, касающиеся творчества»), но коммунистический директор вновь не смог удержаться от привычного вранья, тут уж вовсе бессмысленного, абсолютно никому не нужного: архив драматурга был получен вовсе не с мифических «разных сторон», а только с одной стороны, вернее, из одной страны - из Франции.

Кто такой В.А. Павлов, чем оный деятель досель занимался, ей— Богу, не знаю; у него не удалось отыскать не то что книги или статьи, но даже самой крохотной заметочки о Сухово-Кобылине или о каком другом русском писателе. Нашлось у литературного выдвигенца-новобранца лишь одно преимущество перед ученым: он был, видимо, родственником одной из сотрудниц музея.

Ему-то Бонч-Бруевич и предложил организовать бригаду (излюбленный метод работы кремлевских заправил, художников-шабашников и прочих колхозно-совхозных активистов) для подготовки работы «к печати в наших «Летописях», которой мы отведем два

тома, ибо в один том, как мне кажется, все материалы не войдут, хотя наши тома «Летописи» очень емкие по своему формату» (Там же).

Новоиспеченного специалиста по Сухово-Кобылину Бонч-Бруевич благословляет на ратный литературоведческий подвиг именем вождя мирового пролетариата:

«Буду очень рад, если мы начнем с Вами эту прекрасную работу, тем более, что у меня к ней имеется особое пиететное отношение, ибо В.И. Ленин в одном из своих собеседований за границей по поводу распространения гегельянства в России, несколько раз упоминал имя А.В. Сухово-Кобылина как первого гегельянца и говорил, что он читал как-то заметки этого гегельянца в нашей прессе. Сейчас я не помню про что именно он говорил. Владимир Ильич выражал сожаление, что о работах Сухово-Кобылина много работал на Гегелем и написал много сочинений, но где они находятся, - никому в то время не было известно и вот теперь все это находится в наших руках. Так что издавая это собрание материалов, мы как бы выполняем завет Владимира Ильича, и этой святой для нас святой памятью мы будем воодушевляться при этой работе» (Там же. Л.3 об).

Вот новости так новости! Воображаю нашего дорогого Ильича как он, начисто позабыв о пролетарской борьбе с коварными друзьями и врагами народа, рыщет по лондонским, парижским и женеvским библиотекам в поисках никогда не публиковавшихся философских статей Сухово-Кобылина. Ищет и находит, и от неумной радости, позабыв все, чему его учили в гимназии при царе-батюшке, величает драматурга первым русским гегельянцем! Слава Богу, эта галиматья Бонч-Бруевича не была опубликована в советское время, а то бы кремлевские холопы наверняка не токмо бы вострубили гимн новоявленному первому гегельянцу в России, но еще и возвели бы его в сан первого русского марксиста, боевого предшественника ленинской партии⁹.

Директор дает Павлову два года «на подготовку к

печати биографических материалов о А.В. Сухово-Кобылине и на общее редактирование Летописи «Сухово-Кобылин» (Там же. Л.4).

Осененные сердечным напутствием Бонч-Бруевича, воодушевленные «светлой памятью» вечно живого Ильича, Павлов и его работнички начинают знакомиться с архивом Сухово-Кобылина. Они, вероятно, простодушно думали, что отдав материалы для перепечатки машинисткам, можно будет наскоро подготовить вступительные статьи и, написав в ведомости энную сумму прописью, отправиться на поиски новых заработков.

Представляю их несказанное удивление и разочарование, когда они увидели огромный массив документов исписанных причудливым почерком Сухово-Кобылина подчас напоминающим то ли иероглифы, то ли клинопись. Да тут не то, что двух лет отведенных Бонч-Бруевичем, не хватит на разгадку всех ребусов и завитушек писателя, всей жизни и то мало будет. Господи, безумцы же они, павловские шабашники, чтобы взять, да и отважиться на публикацию в 1938 году дневника закоренелого монархиста, его странных, по меньшей мере, философских изысканий (так далеких от лучезарно-простейших истин сталинского «Краткого курса»), за которые, чего доброго, и упечь еще могут.

Не видя несколько месяцев никого из членов Павловской бригады в вверенном ему литературном заведении, Бонч-Бруевич впервые всерьез забеспокоился. Уже 19 февраля 1938 года он шлет тревожное послание своему литвыдвиженцу, наивно полагая, что тот пока, лишь пока, не мог «приступить к общему редактированию Летописи, так как члены Вашей бригады своих работ еще не сдали. Они совершенно не бывают у нас и я начинаю колебаться <?>в их работоспособности» (Там же. Л. 4-4 об.).

Увы: позабыв про полученный аванс, Павлов и его работнички попросту разбежались: больше их никто и никогда не видел. Понапрасну Бонч-Бруевич взывал к Павлову, требовал отчета о проделанной работе, просил его явиться в музей, грозил расторжением договора,

взысканием аванса, слал письма и обычные, и особые (С курьером! Под расписку!). Того и след простыл... Запланированных том «Летописи» под названием «Сухово-Кобылин» так и не вышел в свет¹⁰.

Архив Сухово-Кобылина, вместе с фондами многих других русских писателей, в 1941 году передали из Литературного музея в ЦГАЛИ (ныне – РГАЛИ). До сих пор научное описание ценнейшего архива великого русского драматурга и философа не только не опубликовано, но даже и не подготовлено.

...Можно только горько посетовать, что ленинский приспешник в административном раже не допустил Виктора Гроссмана к архиву Сухово-Кобылина. Вернувшись из мест не столь отдаленных. Автор лучшей по сей день биографии драматурга опубликует два романа о Пушкине, но больше уже никогда не вернется к своему Сухово-Кобылину, для изучения которого он сделал куда больше, чем авторы всех вместе взятых советских монографий о писателе.

¹ РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 305. Л.2. Перевод с французского. Подлинник – там же.

Л.1-1 об.

² Там же. Ф. 1452. Оп.1. Ед. хр. 222. Л.1 об.

³ РГАЛИ. Ф. 612 (ГЛМ). Оп. 1. Ед. хр.748. Л.1В
дальнейшем все ссылки на этот фонд
даются в тексте статьи.

⁴ Все эти рукописи мы собирали капелька по капельке. Документы к истории Государственного литературного музея // Источник. 2002. №2. С. 57, 58.

⁵ Там же. С.58.

⁶ Там же. С. 62.

⁷ РГАЛИ. Ф. 438. Оп.1. Ед. хр. 302. Л.1-1 об.
Машинописная копия, заверенная В.Д. Бонч-

Бруевичем. На первой странице его резолюция: «В архив. К бумагам Сухово-Кобылина. 19/II 1936».

⁸ См.: Молок А.И. Научные труды и педагогическая деятельность П.П. Щеголева (1903-1936) // История и историки. Исторический ежегодник. 1971. М.: Наука. 1973. С.251.

⁹ Эту же дичь Бонч-Бруевич повторил и в письме к Сталину (правда, в укороченном варианте) 24 февраля 1945 года, с гордостью рапортуя вождю, как он вывез из Франции «много ценных материалов – например, архив русского гегелианца Сухово-Кобылина, трудами которого весьма интересовался Владимир Ильич» (Все эти рукописи мы собирали капелька по капельке. С.76). Но даже вождь всего прогрессивного человечества не был настолько невежественным, чтобы клюнуть на эту ахинею.

¹⁰ Из всей Павловской компании только И.М. Клейнер продолжил изучать архив драматурга и в 1944 году выдал докторскую диссертацию «А.В. Сухово-Кобылин в свете новых материалов». Литературовед ввел в научный оборот некоторые документы и факты из биографии драматурга, однако, не имея ни малейшего понятия о работе с архивными источниками и о принципах их публикации, переврал все, что только было возможно. В его книге «Драматургия Сухово-Кобылина» (М.: Сов. Писатель. 1961) искажены все до одной – буквально до одной! – цитаты из трилогии «Картины прошедшего».